

ЭЛЬДАР САТТАРОВ

НИТЬ ВРЕМЕН

Предисловие Михаила Трофименкова

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

18+

Содержит
нецензурную
брань

Книжная полка Вадима Левенталя

Эльдар Саттаров

Нить времен

ИД «Городец»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Саттаров Э.

Нить времен / Э. Саттаров — ИД «Городец», 2021 — (Книжная полка Вадима Левенталя)

ISBN 978-5-907220-86-7

Документальный роман писателя и переводчика Эльдара Саттарова посвящен истории левого движения в Европе XX века. Среди персонажей романа и Антонио Грамши, и Амадео Бордига, и Жак Каматт, и Ги Дебор, и многие другие революционеры и философы, сформировавшие интеллектуальную повестку прошлого столетия. Но весь этот документальный фон романа нужен для одного — чтобы обосновать возможность анализа актуальной политической повестки. И программу действий революционной партии. В которой состоят главные герои «Нити времен». Содержит нецензурную брань!

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907220-86-7

© Саттаров Э., 2021
© ИД «Городец», 2021

Содержание

Роман персонифицированных идей	5
Нить времен	7
Обретая свой путь	8
Рабочий контроль	17
Автономная сеть	23
Воззвание	27
Альтерглобалистский форум	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Эльдар Саттаров

Нить времен

Роман персонифицированных идей

Почти отчаявшись найти интонацию, уместную в разговоре о – да, беспрецедентном в нашем литературном ландшафте – романе (романе?) Эльдара Саттарова, я решил посмотреть, что выйдет, если тупо аннотировать его, исходя из внешнего как бы действия.

Вышло нечто вроде.

«Излечившись от героиновой зависимости в стенах тосканского монастыря, Альберт возвращается на родину, где его давно заочно похоронили. Знание итальянского языка помогает ему занять административную должность в итало-бельгийской нефтяной компании, безбожно эксплуатирующей природные богатства Сахалина. Альберт создает революционную ячейку, готовящуюся к установлению рабочего контроля над предприятием. Ветер революционных странствий заносит его в подмосковные леса, в громокипящую чашу альтерглобалистского сборища в Париже, в „поместье“ гуру Ламарка. Он слышит голоса павших на Великой Отечественной. Ему чудятся зловонные нацистские призраки в истлевших мундирах. Ему являются тени великих итальянских марксистов времен уличной гражданской войны с чернорубашечниками начала 1920-х и оккультных гениев парижского Мая 1968-го. Ему протягивают руку пацаны из неблагополучных парижских пригородов. Вернувшись в Россию, он, просветленный и умиротворенный, ловит, как улыбку Кабирии, улыбку девушки по имени Инга».

Судя по такому – клянусь, вполне адекватному – пересказу, «Нить времен» может сойти и за политический триллер, и за психоделический трип, и за роман воспитания. Все это правда и неправда. Видимое действие романа – лишь видимость невидимого действия.

Впрочем, все по порядку.

Саттаров не случайно в первых же строках своего письма предупреждает: «Все имена, события, места действия являются вымышленными или творчески переосмысленными в художественных целях».

Насчет «все» автор, конечно, загнул. Парижская площадь Бастилии – традиционное место протестных сходов – площадь Бастилии и есть. Сам, помнится, маршировал там в первомайской колонне, с уважением косясь на представителей дюжины турецких компартий, предусмотрительно разделенных полицией: иначе перережут друг друга. И Антонио Грамши, великий мученик марксизма, он Грамши и есть. И его оппонент Амадео Бордига – тот «самый честный коммунист в истории», которому посвящена книга. И безансонская часовая фабрика «Лип» – та самая, чей опыт рабочего самоуправления выстраивались в очередь снимать революционные кинематографисты 1968 года – не переименована Саттаровым.

То же, что в «Нити времен» вымышлено, надеюсь, вымышлено исключительно во имя святой Девы Конспирации. То есть, если герои намеревались захватить итало-бельгийскую нефтяную концессию на Сахалине, надо предполагать, что в реальности они едва не оккупировали какие-нибудь южноафриканско-голландские алмазные прииски в Якутии. А кто такие «бомбист Роман», «Ларе» и прочие рыцари автономного действия, собирающиеся в подмосковных лесах, я, благодаря любезной консультации автора, знаю, но не скажу.

Что же касается «творчески переосмысленных в художественных целях» реалий, – пусть смысл такого переосмысления и не всегда очевиден – то и похуй, что переводится на русский язык как «Sapienti sat».

Умный или, скорее, не столько умный, сколько ориентирующийся в лабиринтах марксистской теории и практики, поймет. Поймет, что, скажем, «Цивилизованный социализм» –

псевдоним «Социализма или варварства», группы Корнелиуса Касториадиса. Что книжный магазин «Призрак Европы» – единственный в Париже, где накануне майской бучи 1968-го можно было приобрести классиков марксизма – по жизни именовался «Старым кротом». Что гипнотизирующей своей, грубо говоря, анархо-экологической утопией Жан-Жак Ламарк, гуру Альберта – философ Жак Каматт, которого Саттаров переводит.

Что книжные «фланеры-оппортунисты», с ласковыми снайперскими усмешками изучающие урбанистический ландшафт французских 1960-х годов – это, конечно же, ситуационисты Ги Дебора, переименованного в Гийома Анньюе. Кстати, «Анньюе» – это что, производное от французского «l'ennui»: скука, тоска? Намек на то, что Дебору стало так тоскливо жить в мире, предсказанном им в «Обществе зрелищ» еще в 1967 году, что из многолетнего молчания он вышел лишь оглушительным выстрелом в висок? Пожалуй, что так, и это делает честь поэтическому слуху Саттарова.

Но все это, повторюсь уже в цензурном варианте, не имеет ровным счетом никакого значения. Потому что «Нить времен» – не роман-роман о людях, как бы их ни звали в исторической реальности, а об идеях. Точнее говоря, о приключениях идей, выбравших своими носителями тех или иных людей. И нет никакой разницы между Бордигой и Грамши, о которых Альберт читает или слушает, и Ламарком, с которым он лакомится орехами и ягодами.

Собственно говоря, это едва ли не первый в русской литературе, со времен «Что делать?» Николая Гавриловича Чернышевского, роман персонифицированных идей. Не персонифицированных страстей – это к Федору Михайловичу, – а именно идей, оказывающихся куда более страстными, чем мелкотравчатые комплексы Раскольникова или братьев Карамазовых. Если продолжать ассоциативный ряд, то среди предшественников «Нити времен», конечно, еще и «Мать» Максима Горького. Горький, как и Чернышевский, вывел в литературу «новых людей», людей будущего. Сумеют ли сознательные рабочие Саттарова стать в реальности такими же агентами великих перемен, как герои Чернышевского и Горького, тайна сия велика есть. Я, скорее, склонен к глубокому историческому пессимизму, но тем более тлеющие угли социального оптимизма Саттарова греют мне душу.

Кстати, и у Горького, и у Саттарова резонирует мессианская, первохристианская суть коммунистической идеи. Недаром же Альберт явился собирать апостолов рабочего самоуправления не откуда-нибудь, а именно из монастыря.

Величие романа Чернышевского заключено уже в его заглавии. Главное – сформулировать вопрос. А вопрос, что на самой-самой заре русского капитализма, что в каком-нибудь Сормово накануне 1905 года, что в наши глобалистские дни, остается все тем же: что делать? И ответ на этот вопрос если и стоит где-то искать, то именно в заполняющих «Нить времен» спорах о рабочем контроле и рабочем самоуправлении, о Советах, фабзавкомх и профсоюзах, «самоэксплуатации» и новых личинах империализма.

Эти споры могут показаться скучной схоластикой, но Саттаров упорно и ненавязчиво заставляет вчитываться в их прошлое и настоящее как в действительно приключенческий роман. Ведь, если мы и добьемся освобождения, то только своею собственной рукой, и никак иначе.

Михаил Трофименков

Нить времен

Полифонический роман

Все имена, события, места действия являются вымышленными или творчески пересмысленными в художественных целях

Обретая свой путь

Никогда не верьте с первого слова в несчастье людей. Спросите у них лишь одно – удастся ли им спать?.. Если да, то все нормально. Этого достаточно.

Л. Ф. Селин. Путешествие на край ночи

Так уж получилось, что большую часть девяностых он провел за границей. Возвращаться на родину выпало в юбилейный год из Рима, словно бы из затянувшегося паломничества в город святого Петра. Многое довелось ему перенести, чтобы стать пассажиром вместительного лайнера Международных авиалиний Италии, и все его достояние едва вытянуло на без малого четыре килограмма ручной клади. Не так уж много для человека двадцати семи лет от роду, но и не так уж мало, если учитывать, что никому из знакомых на родине и в голову не приходило, что он может до сих пор пребывать по эту сторону почвы и в вертикальном положении. Да ведь и сам он, положив руку на сердце, не мог предположить, что ему оставалось еще много солнечного света. Не будучи физически больным, он чувствовал в себе, помимо естественной энергии и жажды жизни, червоточину неминуемого провала всех его попыток приспособиться к обществу и стать таким же, как все. Ужасала при этом не столько перспектива преждевременной смерти, которая в случае срыва была бы неминуемой, сколько само существование героиниста. Причин для дурных предчувствий было немало, но они крылись уж точно не в каком-либо скрытом желании, импульсе или порыве. Скорее злосчастный пример стольких людей, прошедших, как и он, трехлетнюю программу реабилитации и продолжавших возвращаться в приемные центры, на закрытые фермы, в запертые мастерские, охраняемые артели, за массивные ворота монастырей и аббатств, добровольно или по судебному решению, после долгих лет, а порой и десятилетий чистой жизни. Марко Танара, например, ведь стал образцовым гражданином в своем калабрийском городке именно благодаря успешной реабилитации. Он сотрудничал с мэрией, выступал на различных общественных мероприятиях, отвозил заблудших ребят в реабилитационные центры. Один из них был так тронут душевительной беседой по пути, что оставил ему пакетик с граммом порошка чуть ли не на пороге приемного отделения учреждения, куда намеревался тайно пронести его с собой. На обратном пути Марко колебался километров девять-десять, пока ему не попала аптека, перед которой он невольно затормозил. Здесь не было вокруг ни привычной благожелательной публики, ни телекамер областного канала, чтобы он мог демонстративно развеять порошок по ветру на глазах у всех. Был он здесь один на один с самим собой, и как-то само собой получилось, что он вдруг решил «не дать пропасть добру». Когда он попросил аптекаря продать инсулиновый шприц и флакон дистиллированной воды, его голос задрожал, предательски и подло. Подошли к концу восемнадцать лет счастливой и свободной жизни. Теперь он рассказывал об этом случае на вечерних собраниях не менее красноречиво, чем на общественных дебатах в лучшие годы, но складывалось впечатление, что он до сих пор не может прийти в себя, оправиться от удивления перед тем, как легко и быстро всё завершилось. Не добавлял Альберту оптимизма и собственный срыв, умудрившийся случиться неожиданно-негаданно, прямо в стенах монастыря, после первого года реабилитации, когда он только начинал чувствовать себя свободно и уверенно. Впрочем, таких примеров можно набрать не на одну книгу.

Оговоримся сразу, что в нижеследующем повествовании читатель не найдет ни описаний, ни даже каких-либо упоминаний о процессах употребления, хранения или изготовления наркотических веществ, ставших уже достаточно общим местом в беллетристике нового века. Речь пойдет, напротив, о попытках и, в какой-то мере, нравственных усилиях человека, который

всей душой стремится избежать подобных действий, хотя на отправной точке нашего романа он уверен в том, что ему это в итоге не удастся.

Мучительный вопрос, над которым он упорно размышлял, пока лайнер отрывался от земли, набирал высоту и нырял в мучнистые, перистые облака над Вечным городом, стало быть, сводился не к тому, какой надо сделать правильный выбор, а к тому, что и как можно успеть до заранее предрешенного финала. Из тех мгновений, когда он ближе всего подходил к грани небытия, выныривая из общеизвестных черных тоннелей на больничных койках токсикологических отделений, когда стремительно проносилась перед глазами недолгая и бестолковая жизнь, ярче всего он запомнил паническое чувство досады и отчаяния от того, что он не успел завершить или, напротив, хотя бы начать; из-за слов, которые он не успел кому-то сказать; или прекрасных идей, которые так и остались никому неизвестными и, казалось, тонули теперь вместе с ним в сырой и непроницаемой мгле.

И больше всего на свете Альберту хотелось избежать этого панического отчаяния при итоговой развязке, какой бы она ни была. Он понимал сейчас, как никогда, какой уникальный шанс ему выпал, оставалось только найти с чего начать. Хотелось сделать хоть что-нибудь хорошее, прежде чем скатиться в зловонную и вязкую выгребную яму, из которой едва только выбрался. К этому времени он уже знал, конечно, что невозможно ни с того ни с сего начать творить добрые дела. Попытки осчастливить человечество никогда не приносили никому добра, как и положено всем благим намерениям. Именно поэтому столь важно было не терять из вида принципиальное различие между благими намерениями и добрыми делами по факту. По опыту Альберт знал, что чаще всего мы приносим добро, о котором люди помнят всю жизнь как раз тогда, когда сами этого не осознаем. Это происходит оттого, что мы придаем субъективное значение своим поступкам и действиям, которые в глазах окружающего мира выглядят совершенно иначе. Глупо было бы подходить к кому-то с предложением снять ради него последний свитер или ходить по перекресткам в поисках беспомощных старушек, чтобы перевести их через дорогу и вписать себе в актив доброе дело за прожитый день. Когда он снимал с себя последний свитер, он делал это не задумываясь, потому что знал, куда отправляется тот человек, каково ему там придется, что ему еще предстоит испытать. Вот почему важнее всего было сейчас выбрать стратегическое направление.

Чуть ли не половину общего веса в рюкзаке составлял увесистый том новой книги Тони Негри «Империя», буквально навязанной ему римским другом Андреа. «Возьми ее с собой, даже если она тебя сейчас не интересует, даже если ты не хочешь ее читать, поставь ее у себя на полочке, мне бы хотелось, чтобы она у тебя просто была», – говорил он Альберту в последний день перед его отъездом. На закате того дня они добрались по уединенной тропе Войтылы, окаймленной густыми зарослями и дремучими дебрями, до вершины самой высокой из Пренестинских гор и бродили в прозрачной тишине под невысокими мшистыми стенами итальянского монастыря Константиновых времен, посвященного Деве Марии, этой небесной заступнице миллиардов верующих, страждущих, взыскующих чуда и спасения душ. С уступа перед ними открылась головокружительная панорама буйно зеленой, дикой, словно бы все еще языческой долины древних латинов, эквов и вольсков. Андреа вдруг принялся тогда с жаром развивать перед Альбертом свою теорию о том, что они должны вернуться в общество «через парадную дверь», сохраняя верность мечтам своей юности, чтобы попытаться обыграть общество по правилам его же игры. Альберт слушал с живым интересом. Эти идеи, конечно же, были вдохновлены призывами из мятежных песен вечно юного анархо-панка, их любимого стиля, которому Андреа до сих пор хранил непоколебимую верность: *«Если ты трудоустроишься, ты можешь стать агентом и содействовать революции на своем рабочем месте»*¹. Теперь, увлеченно листая в самолете заманчиво пахнущие, свежееотпечатанные стра-

¹ Цит. по треку «Subvert» («Подрывай!») лондонской группы Zounds, EP «You Can't Cheat Karma», Crass Records, 1980

ницы подаренного бестселлера, Альберт начинал понимать, чем данный текст был так важен для Андреа. В разные периоды с ними бок о бок трудились и проводили годы своей жизни некоторые ветераны легендарного движения Рабочей автономии. Они оба прониклись самым искренним уважением в особенности к Пьеро из Турина, бывшему рабочему ФИАТа, и Джиджи из Генуи, страстному стороннику «социальных центров», этих самоуправляемых объектов городской недвижимости, оккупированных крайне левой молодежью. Уважение эти люди вызывали своими здравыми суждениями и личной харизмой. С ними легко работалось, они неумолимо переносили тяготы жизни, смешно шутили и порой высказывали мнения, которые словно бы проливали свет на суть некоторых явлений в новейшей истории Италии, да и всей Европы. Тони Негри был одним из главных идеологов их движения, а новая книга стала его своеобразным программным манифестом для наступившего века. Отталкиваясь от известной ленинской работы об империализме, Негри утверждал, что на деле Ленин отвергал в ней не столько саму возможность образования финансовым капиталом единого картеля ради абсолютной власти над миром, сколько невозможность активного противодействия революционной партии этому процессу. Выходило так, что чуть ли не главной целью Октябрьской революции в России на самом деле было предотвратить как раз то состояние, в котором наш мир оказался сейчас, с наступлением нового тысячелетия. По словам Негри, Ленин хорошо знал, что, если не произойдет мировой коммунистической революции, то на земле сложится именно наш теперешний порядок, который сам он предлагал называть Империей, пытаясь как можно красноречивее и убедительнее описать его юридические и социальные аспекты с разных сторон. Особое место в нем он отводил роли нематериального труда и занятого в нем большинства мирового населения, которое он относил к классу «социальных рабочих», потому что в наше время внутрифабричные отношения между трудом и капиталом вышли за пределы цеха и распространились на весь социальный аппарат. Основными характеристиками нового общественного класса автор называл мобильность, гибкость и высокий уровень знаний. Сам-то Альберт в девяностых занимался большей частью как раз откровенно материальным, физическим трудом, поэтому его сильно заинтересовал этот социологический анализ, как, впрочем, в данное время его интересовало все в таинственной и манящей общественной жизни, из которой он столь плотно и надолго выпадал. По определению Негри, в то время, когда Альберт работал на сборочном конвейере крупного завода, да и потом, в кустарном цеху мелкой фабрики, где он собирал рекламные световые коробки, он принадлежал к старой категории неквалифицированных «массовых рабочих». Эта категория уступила сейчас центральное место в глобальной экономике тем самым «социальным рабочим», занятым по его расплывчатому определению в сфере коммуникаций, лингвистики и производства аффектов. За «массовыми рабочими» Негри признавал важную историческую роль – на протяжении шестидесятых и семидесятых им удалось повысить социальную значимость класса трудящихся, поднять стоимость рабочей силы и добиться существенных монетарных уступок от капиталистов в виде зарплат и социальных пособий. Именно «массовые рабочие», в качестве базиса, в экономике и всевозможные «шестидесятники», в качестве надстройки, в культуре вызвали смену экономической парадигмы, породив наше постиндустриальное настоящее. Ведь даже Советский Союз, по мнению Негри, развалился исключительно по причине противодействия советских рабочих тоталитарной дисциплине, навязанной им «диктатурой бюрократии». И это внушало автору очередной повод для оптимизма. Без шестидесятников все оставалось бы как прежде, потому что правящие классы вполне устраивали нормы прибыли индустриального прошлого. Но с тех пор интеллектуальный, нематериальный и коммуникативный труд превратился в основной источник прибавочной стоимости, оттеснив промышленное производство товарной продукции. Альберт поймал себя на мысли, что ему очень интересно было бы поработать в такой

новой сфере и попытаться найти себе там место. Еще одной особенностью нового мирового порядка Негри считал его глобальный и равномерно распределенный характер, что в потенциале подразумевало возможность стратегических подрывных действий буквально в любой точке земного шара. То есть, проще говоря, он полагал, что в отличие от времен Ленина и Троцкого, сейчас уже не было необходимости свергать власть мирового картеля капиталистов в Берлине, Лондоне или Вашингтоне – благодаря глобализации, прорыв системы можно было осуществить из любой глуши, вне зависимости от части света или полушария. Многое в этой книге было спорным, неожиданным, но в то же время подкупающе свежим. Заканчивалась книга самым настоящим гимном политическому активизму. Именно в фигуре современного активиста в маске и капюшоне, расклеивающего листовки или торжественно возвещающего перед толпами агитационные лозунги через мегафон, он видел носителя народных чаяний глобального класса «социальных рабочих», агента биополитического производства и сопротивления силам постимпериалистической эксплуатации. Будущие восстания не требовали новых мучеников коммунистической борьбы, как ранее. Напротив, режиму Империи надо было противопоставить карнавальную насыщенность площадного хронотопа, подлинную радость бытия. Сегодня политический активизм должен быть позитивным, конструктивным и креативным. В эпилоге он сравнивал коммуниста двадцать первого века ни много ни мало со святым Франциском Ассизским! Этот необыкновенный человек, озаренный божественным откровением, роздал на ярмарке богатства своего отца беднякам и ушел жить в лесном гроте, босым и в рубище. Он понимал язык животных и птиц, общался с сестрицей-луной и братцем-солнышком. Люди потянулись за ним. Своей чистотой и кротостью он искупил и спас развращенный и коррумпированный Рим позднего Средневековья. Альберт, который много времени пробыл звонарем в старейшем францисканском монастыре, жившем по уставу основателя, в его родной Умбрии, в данный момент с жадностью выискивал в окружающей действительности любые сигналы или подсказки, способные предопределить его дальнейшую судьбу. Никакое другое сравнение не смогло бы пронять его сейчас так, как это. Подытоживая свой труд, Негри триумфально объявлял свою собственную благую весть, вымученную годами философских размышлений в вынужденной ссылке и тюремном заключении: преодоление национальных государств с их растворением в единой глобальной капиталистической империи открывает дорогу для торжества коммунизма как гуманного общества высшей справедливости. Альберт решил как можно тщательнее изучить этот парадоксальный, но многообещающий вывод, чтобы, если он подтвердится, примкнуть безымянным статистом к этому явно позитивному процессу и, раз на то пошло, отдать ему все свои моральные и душевные силы без остатка.

Города и годы... Москва... Ленинград... Вильнюс... Поштаун... Циньгун... Мотор-Сити... Орвьето... Сиена... Рим... Все произошло из праха... Одноклассники в красных галстуках... И ведь где-то они все сейчас... Кто в Германии, кто в Израиле, кто в Америке, кто по этапу, а кто и на кладбище... Все возвратится в прах... Лучезарные полдни детства... Битком набитый актовый зал... Как же дружно мы с пацанами презирали тогда комсюков... Правда и то, что в девятом я тоже попытался вступить в ВЛКСМ... Мама считала, что это прибавит шансов при поступлении в вуз... Если ты устроишься на работу, где с тобой будут обращаться как с рабом, где с тобой будут обращаться как с зомби из их корпоративной могилы... Но они меня не приняли, не сочли достойным чистоты рядов их славной организации... Трамплин перед карьерной лестницей начинающего партюкрата... Когда в восьмидесят четвертом я заявился в школу с бритыми висками, глупые комсюки презабавно стучали на «гитлеровца»... Суета и погоня за ветром... Сейчас ведь как раз они, те же самые твердолобые комсорги стали вдруг наиболее ретивыми нацистами, антисемитами, русофобами, в зависимости от конъюнктуры времени и места... Неистребимая порода хамелеонов, становой хребет медиократии, при любом режиме, при любой власти... И, появляясь, исчезают вновь... Впрочем, весь нынешний политический спектр нашей страны, слева направо и справа

налево – от анархистов до неонацистов – появлением своим обязан исключительно горбачевской гласности, когда им разрешили, когда «стало дозволено»... Помню я весь этот нездоровый ажиотаж массового исхода из кухонь... Судите сами, насколько они настоящие... А земля пребывает вовеки...

В зале ожидания стамбульского аэропорта, при пересадке, творилось некое довольно фантазмагорическое действо. «Челноки» из различных республик СНГ, представители знаковой прослойки уходящего десятилетия, груженные всевозможным товаром для уличной торговли с прилавка, отмечали возвращение домой крепкими спиртными напитками. Альберт заметил, что время от времени они сбиваются в небольшие кучки и отправляются в курилку, откуда возвращаются с прямо-таки гомерическим хохотом, покрасневшие и довольные собой. Когда Альберт вышел туда на перекур, он понял причину всеобщего веселья. В углу за столиком, перед раскрытым ноутбуком, стояла жертва веселых «челноков» – долговязый, нескладный итальянец, затравленно озирающийся кругом, словно бы в поисках выхода из затруднительного положения. К нему снова и снова подходили группы его попутчиков и нарочно заговаривали с ним на русском.

– Нон каписко! – повторял он им срывающимся голосом. – Нон каписко!²

«Челноки» обоего пола и всех возрастов покатывались со смеху, держась за мелко трясущиеся бока, и шли дальше рассказывать остальным: «Только писька! Он говорит, ему нужна только писька! Иди, сам спроси». И те шли за своей порцией веселья.

– Какой рейс у тебя? – допытывалась пожилая дебелая женщина с ярко накрашенным ртом. – Куда летишь, говорю?!

– Нон каписко! – обреченно отвечал итальянец. Ее дети, невзрачные подростки с угриватыми лицами, толкали друг друга локтями, прыская в кулачки.

– Они спрашивают вас, куда вы летите, – внезапно вмешался Альберт. – Видимо, беспокоятся, как бы вы не пропустили свой рейс.

– Ах, понятно! – воскликнул итальянец. Услышав родную речь, он словно ухватился за спасительную соломинку. – Будьте любезны, скажите им, что я безмерно благодарен этой синьоре за ее заботу, но у меня все под контролем. Я лечу на остров Сахалин, в город Чехов, с пересадкой в Москве. Расписание рейсов открыто у меня на экране компьютера, я внимательно слежу за всеми объявлениями.

Альберт перевел. Радость медленно сползала со скучнеющих лиц его собеседников. Дама кивнула и вальяжно проследовала обратно в зал ожидания, объявить своим компаньонам, что комедия закончилась, их разоблачили.

Пока Альберт раскуривал свою сигарету, итальянец вручил ему свою визитную карточку. Они познакомились, пожали друг другу руки.

– Complimenti! – воскликнул Рокко. – Где вы так научились итальянскому? У вас превосходная речь.

– Я прожил пару лет в Италии, – ответил Альберт и, как обычно бывает в таких случаях, немного рассказал о себе.

– У вас отменные лингвистические способности. Bravo! Не все итальянцы способны выражать свои мысли так, как вы, – сказал Рокко. – Я живу в России уже пару лет, но так, увы, и не научился говорить по-русски. Вы, случайно, не переводчик?

Альберт ответил, что вообще-то нет, но в Италии приходилось несколько раз заниматься англо-итальянскими переводами, в частности помогая одной из неправительственных волонтерских организаций Третьего сектора переписываться с ООН и ЮНЕСКО.

– Не сомневался, что вы владеете еще и английским, – обрадовался Рокко. – Пожалуйста, напишите мне при первой же возможности.

² «Не понимаю! Не понимаю!» (ит.)

Альберт повертел в руках визитку Рокко: на ней был указан в числе прочего адрес электронной почты. В девяностые Альберт уже пользовался электронной почтой, и ему понравился этот способ сообщения, хотя собственного адреса у него до сих пор не было. Он решил, что как только заведет электронную почту, то обязательно черкнет пару строк Рокко. На том и расстались, успев перед объявлением московского рейса перейти на «ты».

Добравшись наконец домой, Альберт начал потихоньку вживаться в изменившуюся до неузнаваемости действительность. Он поселился у родителей и для начала отправился на курсы вождения, чтобы получить права – частный извоз оставался универсальным резервным вариантом заработка, как и в советское время, – а затем и на компьютерные курсы, открытые в старом здании Академии наук. Окружающим казалось, что он ведет себя странновато. Он чувствовал себя то новорожденным, которому нужно научиться ходить, то существом с другой планеты, которое не всегда способно считывать коды землян. Освоив MS Office и Windows на курсах, он завел себе электронную почту и написал Рокко. Тот откликнулся немедленно: предложил Альберту как можно скорее вылететь на Сахалин, в город Чехов, где он, как выяснилось, работал директором по производству в крупном проекте. Оказывается, он горячо рекомендовал Альберта как отличного переводчика и уже сейчас его компания готова была предложить оклад, который выглядел привлекательнее, чем среднее предложение всех местных работодателей, с кем Альберт к тому времени успел встретиться. Разумеется, Альберт согласился.

* * *

Районы и времена года... Кэмден... Брикстон... Коулун... Монг-Кок... Эглинтон... Дандас... риа Асорес... Пантанелли... Монтесепи... Тестаччо... Трастевере... Чехов... Осталось только чувство горечи, словно привкус железа во рту, словно затянувшийся сезон дождей на душе и терпеливое ожидание бесславного конца, очередного падения, соскальзывания в знакомую черную пропасть, на краю которой привык топтаться в последние месяцы вновь обретенной, отвоеванной свободы. Страх перед неизбежными бессонными ночами, так сильно похожими на крошечный, липкий мрак, молча притаившийся в бетонных лабиринтах душного перенаселенного острова. И восторг по утрам. Ощущение полноты жизни, лишь от того, что начинается еще один день, хотя бы еще один день, который можно прожить чистым. Каждый день учиться ходить и общаться, подобно новорожденной душе, вернувшейся с того света и хранящей все еще слишком живые воспоминания о мутном и гулком болезненном мареве в мозгах и о нескончаемых наигрываниях внутреннего ужаса в сердце ночи, даже теперь при ярком свете дня. Леха Бурят при встрече попятился и побледнел вразвуду: «Вот уж кого никак не чаял увидеть живым». Оказывается, большие пары месяцев жизни они мне по внешним признакам не отводили. Сравнивали с другими, кого уже успели похоронить. Вот почему так много брали взаймы тогда пластинок и редких книг – боялись, пропадет зря добро, делили наследство при моей жизни. Слава богу, хоть «Closer» на виниле меня дождался, хотя слушать его тяжело. Новый город, новое начало, новые шансы сделать доброе дело. Когда ты топчешься, балансируешь на краю пропасти, ты не думаешь о шансах на новую жизнь, не мечтаешь о звездах с неба, нет, ты привыкаешь думать о том, как бы успеть сделать хоть что-нибудь хорошее перед тем, как начнешь скользить уже вниз, начать и завершить хоть одно мизерное доброе дело, чтобы все это было не зря, чтобы придать хоть толику смысла всему тому, через что прошел, почему-то или зачем-то до сих пор оставаясь живым, в отличие от тех других, от всех остальных.

Очень многое зависело теперь от нового рабочего места, содержательности труда, отношений в коллективе. Скольжение вниз может начаться в любой момент, ускоряясь по инерции, ведь порой достаточно лишь одной мелкой провокации. Люди все те же, а пожалуй, даже и похуже, и в конкурентной возне они постоянно провоцируют, сами не представляя

себе, чем это для них может закончиться. Хотя ясно, кому будет хуже всех. Потеря работы, бессмысленность выживания в грязных коробках спальных микрорайонов, как же все это знакомо, это стремительное скатывание в бездонную пропасть, на этот раз безвозвратное.

Городок, затерянный среди дремучих лесов, на равнине Сахалинского острова, после восьмичасового перелета, суток в плацкартном вагоне и паромной переправы. Поиски съемной квартиры под шквальными порывами морского ветра, переход по краю города, обрывающегося за лесопосадкой, прорезающей жилые массивы двух микрорайонов наподобие центрального проспекта. Тусклый горизонт, рыжие холмы за болотами по ту сторону городской черты. Нырок в черноту подъезда, окурки и плевки, галерея пустых бутылок на первых этажах, как водится, не менее загаженные лестничные клетки по пути на девятый. Квартиры доступны только на последних этажах. Лифты нерабочие по умолчанию. Дома возводили строители из ГДР и ЧССР из чешских же материалов. Строительство было бесплатным, по бартеру – в обмен на поставки газа по «Дружбе». По мере устаревания и выхода техники из строя, соответствующих запасных частей после развала Союза здесь, на дальних форпостах СЭВ, просто не оказалось в наличии. Какая-то мягкая масса под левой ногой на ступенях, издающая храп. Не потревожить сон бомжа, сокрытого во мраке. Он осторожно переступает через тело. Последний этаж. Кажется, путник нашел пристанище... Хозяйка показывает нехитрую обстановку, комнату, кухню, заставленный пластиковыми баклажками санузел. Водопроводы разделили примерно ту же судьбу, что и лифты. Вода здесь бывает только холодная, ее пускают по часу в день, как правило с семи до восьми вечера, но бывают и изменения в графике. Необходимо караулить. В остальном все нормально...

Но этот ветер, он не прекращается и ночью, обдает холодом все тело, окончательно нарушает, калечит и без того хрупкий, уязвимый сон. Если проснулся до четырех утра – весь день насмарку, голова как в тисках, заложенные уши, кислородное голодание, одышка, тахикардия, едва подавляемая агрессия, дыхание бездны в затылок. Сколько таких дней еще выдержат, насколько хватит моих ограниченных сил?.. Перманентно перевозбужденная, израненная нервная система, в подсознании постоянно жаждущая искусственного и обезболивающего успокоения, дает сбой едва ли не каждую ночь... Надо, чтобы хватило – я же ведь должен был, раз уж на то пошло, завершить или начать что-то, успеть сказать слова, воплотить идеи. Самому себе должен, факту своего рождения и своего возрождения. Приучиться выживать в этом тошнотворном мире, стискивая зубы, когда становится невозможно, и подавляя свои условные психические рефлексy. Когда порывы ненастья сдувают тебя с края обрыва, взять себя в руки и держаться за любую опору цепкой хваткой, сколько сможешь, даже на пределе, когда все твои мышцы ослабли и дрожат от перенапряжения, если только не хочешь снова помирать на скрипучей койке, задыхаясь от панической досады и отчаяния. Он осматривает рамы и балконную дверь, водит руками по стене. Так и есть. Ночной ветер с моря задувает сквозь огромную дыру между подоконником и плинтусом, заткнутую тряпками, играя осыпавшейся штукатуркой на балконном полу и буквально вырывая из плоти здания новые куски, обнажая его остов. Этот дом разлагается заживо.

На следующий день Альберт натаскал цемента и песка в ведрах, одолжил у местных строителей мастерок, намешал раствор. В течение одного вечера он смог заделать эту брешь. Это было необходимо, чтобы повысить свои шансы в борьбе с хронической бессонницей. В принципе, подумалось, многие проблемы были бы, наверное, решаемы в таком конструктивном ключе, но в настроениях вокруг царилла какая-то апатия, изредка прерываемая приступами жажды наживы. Этот сонный городок производил миллионы для колонизаторов, и потенциальные считанные рубли в будущем для всей остальной страны, и подбирать звенящие копейки, сыпавшиеся с перегруженного обоза, здесь рано или поздно доводилось чуть ли не всей области. «Хорошо, что у меня есть пара дней на то, чтобы обжиться», – подумал он. Будет здорово, если сегодня удастся нормально поспать, ведь завтра уже на работу – к итальянцу, с которым

разговорился в стамбульском аэропорту, во время стыковки рейса из Фьюмичино в Шереметьево.

* * *

Городок Чехов, с населением около тридцати тысяч человек, пережил несколько периодов экономического бума. В начале восьмидесятых годов неподалеку от поселка – точнее нескольких деревянных срубов – пропахшие дымом костров бородатые геологи обнаружили большую нефть и большой газ. Нефть залегала от девона до пермского слоя, для которого будет позже разработана отдельная буровая программа. Над нефтью покоилась оторочка из наиболее тяжелых фракций газового конденсата, поверх которой клокотала гигантская подушка из триллиона кубометров природного газа. Всё это богатство было разбито на два блока между сушей и шельфом. И всё было бы хорошо, если бы у России после распада СССР хватало финансовых и интеллектуальных ресурсов, а также новейших технологий для самостоятельного извлечения всех этих углеводородных сокровищ для продажи на мировых рынках. Но в середине девяностых российское правительство уступило права на разработку месторождения «Сахалин-10» консорциуму из двух известных компаний – бельгийской «Схелп» и итальянской «КАНИ», победившим на всемирном тендере. Судя по тексту Соглашения о разделе продукции, подписанного почему-то в Вашингтоне, округ Колумбия, условия, выставленные победителями тендера, особо не обсуждались и не оспаривались, никто, так сказать, не торговался. Цены на нефть были зафиксированы по текущим на тот момент прогнозным ценам справочного сорта «Брент», которые тогда колебались между восемью и девятью долларами за баррель. Средняя ставка восемь с половиной показалась всем вполне справедливой и приемлемой. Одному только «Газпрому» удалось отдельно оговорить совещательный механизм регулярного рассмотрения скидок на газ, который планировалось поставлять на строящийся Амурский ГПЗ, а также в магистральный газопровод до японской Ниигаты. Пока что большая часть газа закачивалась обратно в пласт для поддержания давления, и лишь небольшие объемы топливного газа после подготовки поставлялись во Владивосток.

Рокко занимал должность директора по производству, но действовал и как заместитель генерального директора предприятия, приехавшего из Бельгии. Через три года они должны были поменяться, и на его место должен был заступить бельгиец, когда совместное предприятие возглавит итальянец. Таким образом компании-операторы, выкупившие по пятьдесят процентов контрольного пакета, поддерживали баланс собственных интересов.

После работы Альберт поехал с Рокко в местный паб «Ольстер», где проводилась вечеринка метрологической службы, отмечавшей профессиональный День метрологии, который Рокко почему-то упорно называл «праздником метра». Впрочем, после политкорректного отчеканивания краткого приветствия во здравие, он умело скрылся, в то время как Альберт остался тянуть пенное пиво в компании операторов технологических установок и полевых слесарей. Они разговорились о внедряемой на месторождении автоматизации, и Альберт, слово за слово, поделился собственным опытом, рассказав им о конвейерной работе на западной мебельной фабрике, где ему не так давно довелось гнуть спину. Например, про чудо-пилу, которая сама вырезала столы различной формы – надо было только задавать программу и правильно расставлять присоски, после чего оставалось только выгружать на нее одну за другой доски из штабелей, выточенных на соседнем станке. И так день-деньской. Операторы историям подивились, привыкнув видеть в нем офисного работника, помощника большого начальника. Они тоже рассказали ему о своей работе, в частности – о самых несусветных несуразностях, которые им доводилось наблюдать на своих рабочих участках. «Сахалин-10» отличался высо-

кой степенью автоматизации, и, с одной стороны, все эти КИПиА, АСУ, РСУ, ПАЗ и ПиГ³ предельно облегчали задачи управления комплексами технологического оборудования. С другой – далеко не всегда системы использовались рационально. Лед был растоплен. Альберт вспомнил между делом об итальянском социалисте Панцери, который считал, что сама логика технических усовершенствований в области автоматизации подталкивает ассоциированных производителей к рабочему контролю над производством, тем самым приближая наступление реального социализма. На удивление, теория о возможности перехода к социализму через рабочий контроль не на шутку заинтересовала всех присутствующих, и кто-то даже спросил, есть ли у Альберта работы этого Панцери, чтобы почитать. Работы у Альберта были – недавно он получил бандероль со старинными журналами «Красные тетради» от своего друга Пьеро, но, к сожалению, только на итальянском. Тогда они сговорились, что в следующую среду ребята заглянут к Альберту вечером и он сможет им почитать статьи из этих журналов или хотя бы пересказать их содержание.

³ Контрольно-измерительные приборы и автоматика, Автоматизированные системы управления технологическим процессом, Распределенные системы управления, системы Противоаварийной защиты, системы обнаружения Пожара и утечки Газа.

Рабочий контроль

Как это ни странно прозвучит, начал свой рассказ Альберт, но эксперименты с рабочим контролем начались еще в марионеточной республике Сало, при Муссолини. Фашисты попытались, на закате своей истории, реализовать концепцию «третьего пути» корпоративного государства через так называемую «социализацию экономики» путем создания «советов управления предприятиями», в которые входили как представители собственников предприятий, так и делегаты от трудовых коллективов. Практической разработкой данной организационной формы занялся Никола Бомбаччи, коммунист, добровольно присоединившийся к режиму Сало в качестве советника дуче. За основу он взял планы Вольной территории Гуляйпольского повстанческого района 1919–1920 годов, а также опыт организации цеховых Внутренних комиссий в Турине под идейным руководством Антонио Грамши того же времени. В первом случае махновская армия лишь декларировала общие принципы власти «вольных трудовых советов крестьян и рабочих» на подконтрольной территории, которые ей помешала осуществить Гражданская война. Во втором случае движение вылилось в захваты фабрик рабочими в период «красного двухлетия» и было подавлено не без участия самих фашистов. Теперь же возрождение советов было призвано обеспечить гармонизацию функционирования национальной экономики сначала в условиях военного времени, затем в условиях переходного периода, когда еще только решалось, в чей лагерь попадет Италия, западный или восточный. Фактически советы управления предприятиями остались единственной организационно-правовой формой старого режима, которую антифашистская коалиция решила сохранить при приемке-передаче государственной власти и контроля над суверенитетом, заменив фашистских функционеров в советах бывшими партизанами. У Бомбаччи, повешенного партизанами, эстафету принял Родольфо Моранди, министр промышленности от социалистов, составивший проект закона о советах управления предприятиями. Закон принят не был, но благодаря Моранди право работников на «участие в управлении предприятием» было закреплено в статье 46 итальянской конституции. Центральная роль советов в экономике, таким образом, сохранялась вплоть до победы христианской демократии над блоком коммунистов и социалистов в сорок восьмом году. За первые пять лет после установления Первой республики рационализированные процессы, введенные на системообразующих предприятиях, вроде ФИАТа или Оливетти, привели к выработке максимальных норм прибыли, заложив основы тридцатилетнего процветания. Как результат, в пятьдесят четвертом году их собственники начали инвестировать крупные денежные средства в модернизацию технологических линий и автоматизацию рабочих процессов для дальнейшего повышения получаемой ими относительной прибавочной стоимости. Это привело не только к утрате позиций старой гвардии квалифицированных коммунистов из профсоюза металлургов, входивших в обескровленные внутренние комиссии, но и к наплыву молодых, неквалифицированных, но по-своему боевых «массовых рабочих», к которым и принадлежал Пьеро, друг Альберта. В то время ФИАТ утверждался на европейском и мировом рынках, выйдя на второе место по объемам производства после «Фольксвагена», и в то же время сохранял функции центра капиталистической власти в Италии, на который ориентировались все экономические и политические силы страны. Например, бурное строительство автодорог или рост производства резины для покрышек «Пирелли» в эти годы происходили исключительно благодаря феноменальному росту производительности ФИАТа, точно так же, как предпринятое государством снижение цен на бензин и транспортных налогов. Однако в сферах образования или строительства жилья Италия отставала от других развитых стран. Так что рабочую молодежь Турина совершенно не устраивала отведенная ей роль винтиков и шестеренок безупречной машины ФИАТа. Несмотря на возможность ездить на танцы на соб-

ственных малолитражках, молодые люди чувствовали в те годы неудовлетворенность сложившимся образом жизни.

Ставшие известными планы металлургических компаний об увеличении рабочей недели до 52 часов вызвали массовые забастовки по всей Северо-Западной Италии. В считанные дни огромный коллектив ФИАТа, с его подавляющим большинством «массовых рабочих», неквалифицированных и молодых, не состоявших ни в профсоюзах, ни в левых партиях, непостижимым для стороннего наблюдателя образом оказался хорошо подготовленным к забастовке. Во время голосования, проведенного внутренними комиссиями в цехах, до девяноста процентов рабочих, включая всю молодежь с годом или двумя рабочего стажа, высказались за проведение стачки. Узнав об этом, руководство компании отозвало планы увеличения рабочей недели. У масс прорезался голос. В итоге профсоюз металлургов так и не организовал забастовку, но рабочая молодежь, без особых усилий заставившая работодателя изменить бизнес-стратегию, продемонстрировала колоссальный протестный потенциал. Более того, выяснилось, что против забастовки активнее всего выступали как раз члены профсоюза и компартии, потому что у их лидеров были для этого свои причины. Именно тогда социологи из зарождавшегося автономистского движения обнаружили в «массовых рабочих», вроде Пьеро, революционную субъектность и начали призывать их к систематическому неповиновению и осознанной борьбе с работодателем за власть над фабрикой. В этом случае социализм из программы отдаленного будущего вдруг становился реальностью. Молодые южане, никогда не читавшие ни Маркса, ни Ленина, выказывали неподдельную классовую сознательность, порожденную самой модернизацией капитализма.

Автоматизация, обобщая коллективный труд, укрепляя сотрудничество между рабочими, повышая их общую производительную мощность, в то же время следуя законам динамики самовозрастающей стоимости, превратила их в одушевленные приатки сборочного конвейера, фабричного деспотизма машин. Но именно этот бессмысленный и монотонный труд, согласно автономистским социологам, самой своей бессодержательностью должен был вызвать мотивированную реакцию «массовых рабочих» – протест и осмысленную борьбу за политическую власть над фабрикой, а затем и над всем обществом. Это было бы естественно, считали они. Раньеро Панцери, ученик и неформальный преемник идейного наследия Моранди, призывал рабочую молодежь изучать рационализм новых технологий ради возможности немедленно приступить к «социалистическому использованию машинных средств производства». Такое «социалистическое использование» стало бы возможным только через механизмы рабочего контроля над производством. Впрочем, он не предлагал возвращаться к советам управления предприятиями, как в послевоенные годы, потому что в них функция рабочего контроля была подчинена «коллораборационистским» целям восстановления национального государства и электоральным нуждам партий антифашистской коалиции. На текущем витке развития рабочий контроль над использованием сложного технического оборудования, по мнению Панцери, мог стать наиболее рациональным практическим способом перехода к социализму на самих предприятиях, здесь и сейчас, в отличие от нереалистичных программ введения в Италии плановой экономики сверху, после казавшейся несбыточной победы ИКП или ИСП⁴ на выборах. В этом смысле, не будучи суррогатом завоевания политической власти, рабочий контроль мог бы стать максимальным выражением переходного этапа, средством давления на капиталистическое государство, залогом автономии пролетариата в рамках существующей системы, пусть сначала в условиях двоевластия, как в предреволюционной России, но с неизбежной перспективой дальнейшего решительного установления социализма во всем обществе.

На это слушатели реагируют весьма оживленно. Выясняется, что Михась, как и Данила, как и Никитос, в общем, все эти операторы без исключения на недавних досрочных выборах

⁴ ИКП – Итальянская коммунистическая партия; ИСП – Итальянская социалистическая партия.

голосовали за КПРФ, не сомневались в фактической победе своего кандидата и верили его словам о нарушениях в ходе голосования в очередной раз, как в девяносто шестом. Победа и. о. президента Путина стала для них новым крушением надежд. И то, что кто-то в практически аналогичной ситуации Италии шестидесятых годов пришел к обоснованной гипотезе о возможности строить социализм самим, своими руками, не дожидаясь, когда на выборах победит партия, задело их за живое, можно сказать, потрясло их воображение. Тем более, что в нашем случае социализм требовалось лишь вернуть большей части общества, поминающей его добром, а не создавать с нуля, среди врагов.

«Когда во Франции наступил знаменитый май шестьдесят восьмого, – любил приговаривать Джиджи, поплевав на руки и хватаясь за черенок лопаты, – у нас в Италии ему исполнилось уже десять лет...» Те же самые фашисты из прошлого, функционеры Сало слетались, как кориуны, в Геную, славный город Сопротивления... Однажды утром я проснулся и обнаружил оккупантов... В городе, получившем медаль за восстание против фашистского режима... Старый сенатор Умберто Террачини назвал это оплеухой... Тысячи человек вышли на улицу XX сентября, слишком свежей была память... Незажившие раны, загнанные в угол подранки... Портовые рабочие, кораблестроители первыми лезут в драку с полицией... Прощай, красавица, прощай, прощай... На съезд прибыл и Карло Базиле, бывший префект города при Сало – а ведь он собственноручно подписывал указы об отправке сотен человек в концлагеря Германии!.. Мы привезем сотни уличных бойцов из Рима... Рим – «черный» город, всегда был и будет... Социальные центры там взлетают на воздух... «Они горят!..» – «Кто?..» – «Полицейские машины...» – «Где?..» Прямо возле центрального фонтана на площади Де Феррари... А это кто в фонтане барахтается?.. Ба! Да это же командир ихнего ОМОНа... Он не пытается выбраться, знает, будет хуже... О партизан, веди меня отсюда... Возвышается над ними с огнетушителем, в красно-желтой футболке, уличный боец из Рима... Карло Джулиани... Э-э-м-м, зачем ты здесь, сорок лет назад?! А, ну ладно, реинкарнация... И возвращается ветер на круги своя... Я чувствую, готов на смерть... Раздаются выстрелы, как и сорок лет спустя, почти на том же месте... Прощай, красавица, прощай, прощай... Нет, в тот раз только один раненый был... Вот в Риме убили полицейского... У ворот Сан-Паоло... Если ты работаешь полицейским, которому приказали арестовать меня, ты можешь отказаться, тебе не обязательно выполнять приказ...

Когда ребята снова собрались у Альберта ровно через неделю, он рассказал им о дальнейшем развитии идей автономистского марксизма Марио Тронти, работавшего с Панцери в редакции «Красных тетрадей». Разделяя теорию о необходимости политического самоуправления рабочего класса внутри капиталистического государства, в условиях фактического двоевластия, Тронти пришел к парадоксальному выводу о том, что сама модернизация капиталистического производства была вызвана классовой борьбой прошлых лет. С тех пор как пролетариат вышел на площадь Бастилии в июне 1848 года со словами «Свобода или смерть!» и начал сооружать баррикады, он стал главной движущей силой истории и уже никогда не переставал быть ею. Все видоизменения производственных сил, все процессы развития капитализма лишь следовали за борьбой рабочих и были ее непосредственными последствиями, а не наоборот, как это принято считать в историософии господствующего строя. «Вначале была классовая борьба» – Тронти назвал это свое утверждение научным тезисом и посвятил десятилетия своей жизни его отстаиванию, во всяком случае, до тех пор, пока не прошел в сенаторы от демократов. Сокращение рабочего дня или повышение заработной платы никогда не были самоцелью этой борьбы. Маркс предвидел, что с ростом капитала могут расти номинальная и реальная зарплата рабочих, но предупреждал, что вместе с ней будут расти и социальная пропасть между классами, и власть капитала над трудом. Поэтому стратегической целью борьбы рабочих всегда было подчинение производственных процессов общественным силам, иными словами – социализм на деле. У этой борьбы были свои приливы и отливы, говорил

Тронти, но она всегда влияла на тот или иной выбор капитала, как хорошо организованной политической силы. Следствием таких вынужденных мер, вызванных борьбой рабочих, как правило, было усиление органической власти капитала, направленное на дальнейшую интеграцию пролетариата, его переваривание и усвоение. С другой стороны, этот вынужденный социальный реформизм мог быть использован пролетариатом до логического итога и отброшен в момент обострения противоречий ради качественного скачка к революции. Это было вопросом тактики. Тронти уверял, что сегодня стратегическая инициатива принадлежала уже не партиям, как сознательному авангарду, а всей компактной социальной массе рабочего класса, достигшего, параллельно с эволюцией капитализма, высокой степени исторической зрелости. Так сложилось в ходе исторического процесса, что связь между классом и партией (как и в нашем случае с КПРФ) оказалась разорванной по вполне очевидным причинам. Но в то же время отсутствие решительно действующей политической партии открывало широкое поле для новых форм автономной борьбы самих трудящихся, творческого подхода к неподчинению, организованному бездействию или снижению производительности через т. н. «итальянскую забастовку», политическому бойкоту и т. п., вплоть до захвата предприятий и самоуправления.

У нас в Турине тоже было весело и жарко... Пьеро обмакивает кирпич в воду перед тем, как положить его на слой раствора... Мы прорывались к казармам карабинеров... Иногда они взлетают на воздух... Кто, ты думаешь, встал у нас на дороге?... Дружинники из сталинистского профсоюза... Стеной стояли за мусоров... Тольятти позвонил из Москвы... В «Нью-Йорк Таймс» его обозвали поджигателем Италии... Съездил к Хрущеву и Брежневу за инструкциями по организации уличных беспорядков, ага... О да, мой Каганович!. Приказывайте, мой Каганович... Разумеется, это нам из Кремля приказали бузить, разве что не вооружили атомными пушками... Рука Москвы, она длинная и вездесущая, это все и так знали... Еще вы там детей ели, слышали мы, американцы сообщали... Альберто, ты когда-нибудь пробовал тушеного ребенка с артишоками?.. Думаю, сегодня мы достроим эту стену вокруг монастырского виноградника... В шоне должны были продлить общенациональный колдовской забастовки с металлургами... Мы добивались 40-часовой недели и повышения зарплат... Если ты работаешь на фабрике, ты можешь отбросить разводной ключ – внутренний саботаж, бей их, где им больно... В Милане «Альфа-Ромео» и «Сименс» бастовали вместе, вышли из цехов на улицы...

Сепаратные переговоры с работодателями... Когда желтые профсоюзы подписали их условия, на ФИАТе начался суицид и интифада... Десятки тысяч шли на площадь Статуте, чтобы плюнуть им в лица... Полиция, видать, вспомнила позапрошлый год... Три дня и три ночи непрерывающихся потасовок и всеобщего винта... Они врезались в наши баррикады с разгона на джипах... Не только на площади, по всей территории ФИАТа... Мне в темноте разбили голову прикладом... И все, кто будет проходить мимо, скажут: «Какой красивый цветок!..» Никогда еще таких беспорядков не было после войны... Подумать только, это было лишь слабое эхо красного двухлетия... Аресты, процессы, увольнения... Панцери тогда сказал: «Это приезжие из Неаполя бросались камнями...» Вырождение рабочего протеста... Главное, он здесь ни при чем!.. Пробуждение святой каналы... Туринские теддибойз в полосатых майках... Провокаторы и фашисты... Тронти аплодировал классовым хулиганам... Обозвал его гегельянцем... Раскол, непримиримые противоречия, расставание... А Тони Негри хотел дружить с обоими... Мы пикетировали ворота головного завода Мирафьори... Одинадцать лет спустя мы захватили этот завод на трое суток, двенадцать входных ворот, километры заборов... Требования были все теми же – сорокачасовая неделя, повышение зарплат...

Тема оказалась настолько интересной, а дискуссии настолько оживленными, что они решили собираться у Альберта каждую неделю, по средам. Приходили парни и девушки из самых разных отделов предприятия и подрядных организаций. Альберт готовил на всю толпу

макароны, как правило «карбонару» или «альо-ольо», ребята приносили водку. Иногда, когда все расходились, какая-нибудь из девушек оставалась с Альбертом на ночь. Никто точно не знает, продолжали ли они обсуждать дальше марксизм-ленинизм, или репетировали шепотом пение «Интернационала», как Альберт отшучивался на работе. По сонному Чехову расплзались слухи о тайном клубе марксистов и о немыслимом сексуальном аппетите Альберта.

Идея захвата операторной, установок подготовки газа и других узловых объектов месторождения вызревала как-то сама собой. Внешние события повлияли на зарождение этой мысли не меньше, чем обсуждение отвлеченных теорий. Не так давно бельгийские узкопрофильные эксперты по технике безопасности убедили Совместный комитет управления, в который с российской стороны входил глава администрации Чеховского района, в абсолютной необходимости покупки новейших противопожарных систем. Эти системы соответствовали последней версии Британского стандарта пожарной безопасности, и дальнейшее выполнение буровых работ без их применения было отнесено к высокой категории производственных рисков с потенциалом миллиардного ущерба. После доставки новейших бельгийских датчиков обнаружения пожара и утечек газа, насосов и систем пожаротушения от дружественной фирмы на сумму десять миллионов долларов выяснилось, что они не могут быть развернуты на скважинах месторождения «Сахалин-10» по причинам технической несовместимости программного обеспечения. Теперь доставленное оборудование было опечатано на складе без каких-либо перспектив дальнейшего использования. Буровые операции продолжались в штатном режиме, с использованием действующего советского оборудования и систем безопасности. В то же время было уже достоверно известно, у кого после данной сделки появился новый внедорожник, а у кого – домик на Кипре. Пикантности ситуации добавляло то, что расходы на противопожарные системы относились по СРП к категории возмещаемых затрат, то есть Россия осталась за них еще и должна инвесторам, которые вносили все такие долги в виде удержаний из выручки предприятия. На самом деле, к таким возмещаемым затратам относилось очень многое – от доставляемой с Запада бутилированной воды для стирки белья до расходных материалов вплоть до гвоздей и гаек. Местные уже давно поняли, что по размаху махинаций западные инвесторы оставили далеко позади мелкий распил госбюджета коррумпированными российскими чиновниками, казавшимися на их гангстерском фоне детсадовскими проказниками. Неудивительно, что теперь консорциум намеренно утраивал общую смету затрат по контракту, стремясь высосать из проекта втрое больше. Теперь многим местным рабочим казалось, что свежая идея взять все в свои руки становилась единственным разумным выходом. Из растущего числа гостей Альберта потихоньку начало выделяться ядро сторонников захвата предприятия, которые стали собираться по вторникам, со всеми надлежащими мерами предосторожности, для обсуждения конкретных возможностей и планов. Рабочая автономная национализация проекта «Сахалин-10» могла бы стать актом восстановления справедливости снизу.

Всех иностранных менеджеров предполагалось каким-то образом заблокировать в жилом городке, вдобавок к сооружению баррикад на заводских КПП. Были добыты детальные чертежи и схемы технологических процессов, тщательно скопированы и систематизированы руководства по эксплуатации установок, распределены возможные роли, но пока не хватало единомышленников для полноценного управления всем производственным циклом, «вторничного» ядра для этих целей явно не хватило бы. Кроме того, оставались кое-какие сомнения насчет возможностей сбыта продукции. Присутствовал риск затоварки резервуарного парка и вынужденной остановки всего месторождения уже на вторую неделю после захвата. Пока решались технические вопросы, тема самой возможности социализации производства постепенно просачивалась из вторников в среды, они обсуждались на общих собраниях, где бывало много новичков, а то и просто случайных людей. Именно кто-то из таких, в сущности, посторонних ребят, впервые поднял вопрос о налаживании связей с рабочими из других регионов и про-

мышленных отраслей России. Альберт задумался. В самом деле, были ли шансы устойчивого и долгосрочного успеха у такой радикальной инициативы в данном конкретном месте, без аналогичных действий трудовых коллективов предприятий из других областей и городов? Ведь даже если благополучно наладить самодостаточный цикл производства и распределения товаров и прибылей здесь в Чехове, это может лишиться смысла, когда во всей остальной России все будет оставаться по-прежнему.

Простой поиск единомышленников в «Яндексе», в котором якобы «найдется все!», дал неожиданные результаты. В Москве полным ходом шло формирование всероссийской сетевой организации сторонников автономистского марксизма. После обсуждения этой новости в одну из последних сред перед первым отпуском Альберта он был предсказуемо избран делегатом от чеховской группы с императивным мандатом на учредительный съезд организации «Автономная сеть» в Подмосковье.

Автономная сеть

С первыми единомышленниками он знакомится уже на перроне станции Химки, где они его встречают. Это Свинтус, типичный нефор с Кубани в черной бейсболке и с длинным хайром, убранном в понитейл, деловитый и расторопный агитатор; ростовчанин Ленька Трубачев, коротко стриженный юноша с пивным животиком и татуировками на руках – все какие-то красные стрелки да топоры; и Диана из Ярославля, очень, пожалуй даже чересчур, серьезная девушка невзрачной наружности, предпочитающая откликаться на «товарища Диму» или по-дружески на «Димку».

Хожеными тропами, под трели пернатых, они, негромко переговариваясь, углубляются в Химкинский лес, где уже разбит лагерь – тут и там расставлены палатки, дымятся котелки, люди выбирают места на опушке, устраиваются поудобнее, знакомятся, завязывают беседы. Ленька интересуется у него, есть ли на Сахалине скинхеды, Альберт не знает. Разве он националист? Ленька, запрокинув голову, хохочет. Нет, конечно. И выдает Альберту краткую историческую справку об интернациональных и межрасовых корнях пролетарской субкультуры скинхедов. Бритоголовых неонацистов, присвоивших себе внешний вид и атрибутику движения, он называет бонхедами, или просто бонами. У костерка Леня знакомит его со своим старшим соратником, Васей Чугуном. Это среднего роста, крепко сбитый молодой человек с внимательным взглядом, довольно общительный и прошаренный в марксизме-ленинизме. На груди у него значок «Лицо кавказской национальности». Альберт интересуется, зачем он его носит, ведь на кавказца он особо не похож. Вася объясняет, что он это делает из солидарности с кавказскими народами, которые сейчас, после Второй чеченской войны, превратились в преследуемое этническое меньшинство. По всей России их подозревают, останавливают, обыскивают, кошмарят в госучреждениях. Такие значки служат чем-то вроде желтой звезды Давида, добровольно нашитой на грудь в условиях латентного нацизма. Судя по тому, как вокруг него кучкуются остальные коротко стриженные парни, он пользуется у них особым авторитетом. В принципе, он среди них самый старший, за исключением Ворона из Новороссийска, про которого Свинтус по секрету рассказывает, что на самом деле тот решил стать скинхедом только из-за того, что начал терять волосы на макушке. Лишь годы спустя Альберт поймет, что все эти ребята тогда готовились выйти, вслед за рэперами из легендарного Клана Белого дыма, на тропу беспощадной уличной войны со своими идеологическими оппонентами. Эта война еще изойдет кровавой пеной на улицах российских городов в конце десятилетия.

Подходит высокий и нарочито неброско одетый Ларс из датской Христиании. Ему интересно узнать побольше о чеховской группе. Он уже давно живет и работает в Москве и стал одним из первых инициаторов всероссийского объединения усилий всех последователей «Рабочей автономии». Чуть позже к ним присоединяются Дима Саблин с Раджем из Нижнего Новгорода. Их группа сделала самый большой вклад в разработку организационных принципов и манифеста новой организации. Надо сказать, что людей из самых разных регионов России собралось довольно много, и кворум, требующийся для Первого учредительного съезда АС, налицо. Присутствие Эльдара, сочувствующего анархо-индивидуалиста из Казахстана, и бразильца Орланду, оператора с одной из морских платформ «Петро-брас», придает съезду международный статус. Когда начинается обсуждение, они рассаживаются в круг. Альберт вглядывается в их свежие лица: в среднем все достаточно молоды, но все родились в СССР. Годы шоковой терапии поселили в них стойкое отвращение к капитализму, хотя они и не склонны слишком уж приукрашивать советское время. Все сходятся во мнении, что подлинный социализм был бы наилучшим возможным общественным строем, но с учетом исторического опыта жизненно важно избежать прошлых ошибок и вырождения. Предстоит кропотливая теоретическая и практическая работа по изменению мира к лучшему, и они к ней готовы. Ларс, как

один из главных организаторов, первым берет слово и предлагает ввести определенный регламент по времени, очередности и тематике выступлений.

– А почему мы должны слушать какого-то шведа? – слышится вдруг недовольный голос.

Все оборачиваются. Высказывание принадлежит Роману, известному бомбисту, который из чувства социального протеста в девяностые взрывал двери силовых госучреждений. Он лишь недавно освобожден из тюрьмы, где отсидел за терроризм, и, разумеется, там от его молодого организма силовика, что называется, живого места не оставили. Проблемы с неустойчивостью настроения тоже никуда не делись. Из того, что Альберт успел краем уха услышать, он понял, что многие здесь, включая Ларса, не хотели бы видеть его на съезде. Настоял Дима Саблин, они приехали в одном вагоне. Впрочем, с утра Роман довольно мирно употреблял на завалинке вермут «Мартина» в компании Эльдара и никому не досаждал. Ларс предлагает разделить участников съезда на пьющих и трезвенников, потому что им будет трудно понять друг друга и договориться.

После недолгих споров Роман с Эльдаром отходят к соседнему костерку. К ним присоединяется Митяй, бородатый анархо-синдикалист в тельняшке, персонаж, известный в первую очередь тем, что во время защиты Белого дома в одиночку устроил поножовщину и разогнал навалившихся на него баркашовцев. Какое-то время они мирно пьют бормотуху, но уже через полчаса их нетрезвые голоса снова мешают собравшимся, заглушая очередное выступление. Роман все припоминает Митяю, как он сам и все его товарищи, вся его организация благополучно забыли о нем, пока он чалился за решеткой, мотал срок за прямое действие. Митяй запальчиво отвечает срывающимся голосом, что у того «просто старое говно вскипело». Страсти бурлят. Роман встает, за ним поднимается и Митяй, вскакивает Эльдар.

– Пацаны, кто из вас первым другого ушатает, того ударю я, – раздается его голос.

Оба недоуменно пялятся на Эльдара, потом Митяй отмахивается: «Да не нужно мне тут с вами драться» и первым усаживается обратно на землю. Постепенно успокаиваясь, они продолжают выпивать молча, теперь уже до полной отключки.

Тем временем обсуждение оргпринципов и Манифеста близится к логическому завершению. Свинтус придает особое значение последнему пункту ОП, сформулированному на ходу, во время дебатов.

– Понимаете, вся суть автономии как раз в этом, – объясняет он свою позицию. – Любой человек в любой глубинке должен получить надежду на то, что может сделать весомый вклад, совершить осмысленное действие, не дожидаясь формирования крупных организаций или исторических потрясений. Мы должны взорвать будни. Сопrotивляться капитализму – значит жить ярко!

В принципе все согласны, но каждый хочет добавить что-нибудь свое, сообщая они стараются вырезать лишнее, сохранить ценное. Наконец, Дима Саблин зачитывает заключительный пункт:

– Издание и распространение газеты, создание профсоюза, организация сквота, коммуны, альтернативного информцентра или участие в забастовке, антифашистской борьбе, лагере протеста, организация митинга, пикета или рок-концерта.

Принято единогласно. В целом нижегородская группа Димы Саблина по-настоящему досконально разработала и подготовила проект организационных принципов и устава новой организации, «Автономной сети», который представляет собой довольно успешную попытку позиционироваться в изменившихся реалиях в полном соответствии с классическими наработками и умозаключениями автономистского марксизма. То есть теоретический старт для массовой всесоюзной организации очень хорош. В принципе, все поддерживают проект, лишь по паре отдельных пунктов были какие-то зацепки, предоставлявшие широкие возможности любителям поразглагольствовать, словно в мини-парламенте. На Альберта вдруг накатывает странная апатия. Он лишь отрешенно, вполуха, следит за происходящим. Но в какой-то момент

он осознает, что все смотрят на него и что, видимо, настала его очередь высказываться. Откашлявшись, он предпринимает попытку выразить первое, что приходит на ум:

– Камрады, у меня лишь пара мыслей по этому поводу. На мой взгляд, неоправданно большое внимание уделяется авторитарному режиму в нашей стране. Если учесть, что мы выступаем против капиталистической власти вообще, то этот сиюминутный уклон, по-моему, лишает нас стратегической ясности. Дело в том, что та форма государственного капитализма, что более или менее уверенно установилась в России с начала нулевых, как раз представляет собой слабое звено в общей цепи, в органической текстуре глобального капитала. Выступая исключительно против авторитаризма этого режима, мы рискуем слиться с либеральной оппозицией и растратить все силы, косвенно работая на нашего главного врага, гораздо более опасного и коварного.

– В целом я разделяю это мнение, – неожиданно поддерживает его Ларс посреди общего молчания, – но было бы интересно узнать, каково стратегическое видение самого Альберта.

– Мне кажется, что нам необходимо выстраивать сплоченную организацию единомышленников и добиваться теоретической ясности и конкретного единства действия, занимаясь конструктивной работой на местах. В критический момент, когда правящие классы США полностью утратят способность контролировать мир и система начнет повсеместно давать трещины – а это рано или поздно произойдет, возможно, даже раньше, чем мы обычно думаем, – мы должны будем быть готовы взять ситуацию в свои руки, как единая централизованная организация. В первую очередь производство и распределение, само собой. Ведь именно мы, люди, отрицающие эксплуатацию человека человеком, способны наладить их на справедливой основе. Мы, и никто другой!

Наступает минутная пауза, гробовой тишиной повисающая в экологически чистом и прозрачном воздухе химкинского леса. Потом раздаются первые отклики в виде разрозненных выкриков.

– Это анархо-синдикализм!

– Этому не бывать!

– В децентрализации не только главная слабость, но и главная сила движения автономии!

– Что ж, – отвечает он, ухмыляясь. – Я высказался. Прения вновь возвращаются в свою колею, и он уже не сильно напрягается, пытаясь уследить за ними. Когда обсуждается избрание Межсовещательного консилиума, высшего органа АС на период между съездами, Дима Саблин неожиданно произносит:

– Предлагаю кандидатуру Альберта. – И все присутствующие поднимают руки. – Единогласно.

После голосования Альберта просят помочь с переводом выступления Орланду, которому передают слово. Бразилец сначала рассказывает о некоторых особенностях захвата капиталистической недвижимости в его родном городе Рио-де-Жанейро. Одним из основных завоеваний бразильского народа после отмены военной диктатуры в восьмидесятых стало закрепленное в конституции право всех безземельных граждан проживать в оставленных зданиях, за владельцами которых числится налоговая задолженность. Поэтому, если вы когда-нибудь захотите посетить сквот в Рио, вы удивитесь, как сильно он отличается внешне от европейских. На деле это целые небоскребы, высотные здания, занятые коллективами безземельных и бездомных семей. Сам Орланду три года прожил в одном двенадцатиэтажном здании в самом центре Рио-де-Жанейро, в окружении штаб-квартир крупнейших корпораций, бизнес-центров, модных баров и гламурных ресторанов. Он жил там добровольно, чтобы координировать захват здания, ремонтные работы, расселение пятидесяти шести семей по этажам, сопротивление полиции. Свои конституционные права коллективу приходилось отстаивать под дулами казенных дробовиков. Орланду очень высоко отзывался о динамике роста политического классового сознания среди оккупантов высотки, с которыми он работал эти три года.

Фактически, ему удалось создать низовую автономистскую организацию в самом центре Рио. В настоящее время Орланду устроился оператором на шельфе морского месторождения Намораду. Он основал там дискуссионный кружок из сотрудников, который регулярно собирался в той оккупированной высотке для обсуждения автономистского марксизма во время отдыхающих смен. Они пришли, в частности, к выводу, что с наступлением этапа реального подчинения труда капиталом после Второй мировой войны базовой отраслью для нового цикла накопления стала нефтегазовая промышленность. Этап реального господства, описанный Марксом в VI неопубликованной главе «Капитала»⁵, кстати, практически полностью совпадал с описанием «Империи» у Негри или «биополитического общества контроля» Фуко. Поэтому Орланду считает авангардом нового глобального пролетариата именно нефтяников и газовиков. Он отдает должное той роли, которую Тони Негри отводит работникам информационных технологий и сервисного сектора, но считает, что именно нефтяники способны, как никто другой, парализовать нервные узлы глобального рынка, чтобы оказать необходимое воздействие на принятие обществом ключевых стран мира решительных мер для внедрения социалистической экономики. Впрочем, добавляет Альберт от себя, и в нефтегазовой отрасли роль программистов может оказаться решающей, благодаря повсеместной оцифровке процессов добычи углеводородного сырья – сотрудники IT-отделов нефтегазовых корпораций в наше время способны, при желании, парализовать работу любого месторождения мира.

Выступление Орланду очень яркое и запоминается всем. Он не вступает в «Автономную сеть», потому что на данном этапе в этом нет смысла, но они договариваются поддерживать неформальные дружеские контакты. Альберт подписывает с Орланду меморандум о взаимопонимании между чеховской группой и автономистским ядром компании «Петробрас». Основной целью документа названо развитие межконтинентального сотрудничества, включая поиск контактов в других странах, для создания авангардной сети с прицелом на координируемые действия против мирового капитала. В свете недавнего прогноза Goldman Sachs о первостепенной экономической роли стран БРИК в новом веке в качестве важнейшей задачи заявляется налаживание связей с единомышленниками среди нефтедобытчиков Китая и нефтепереработчиков Индии. Разумеется, они осознают, что все это цели не завтрашнего и даже не послезавтрашнего дня, но где-то ведь можно и начать, заложить какие-то основы, хотя бы в эмбриональном виде.

Потом Альберт с Димой и Ларсом еще успевают поговорить о тайных планах чеховской группы. Ларс советует ознакомиться с опытом французской часовой фабрики «Лип», обещает передать в Москве материалы. В середине семидесятых рабочему коллективу из Безансона удалось захватить завод обанкротившихся хозяев и наладить самоуправляемое производство и сбыт продукции. Саблин со своей стороны обещает, что нижегородская группа рассмотрит методы агитации среди рабочих «ГАЗа» и прозондирует возможности захвата этого завода. Тогда они могли бы подумать о налаживании какой-то производственной цепочки. В принципе это и было основное поручение чеховской группы, и Альберт его выполняет под занавес мероприятия, в кулуарах, так сказать.

Когда участники учредительного съезда «Автономной сети» расходятся, разъезжаются по своим регионам, на поляне остаются мирно посапывать лишь Роман, Эльдар и Митяй, прикрывшиеся в своих спальных мешках среди разлапистых корней могучих дубов.

⁵ «Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства» в: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 49. Изд. 2, М., 1974. Единственная сохранившаяся часть чернового варианта «Капитала», написанного с июня 1863 г. по июль 1864 г., должна была стать последней главой первого тома.

Воззвание

В Москве Ларс действительно передал Альберту для чеховской группы несколько экземпляров журнала «Новое рабочее движение», издаваемого московскими анархо-синдикалистами, с подробным описанием истории захвата фабрики «Лип» во Франции. Альберт их раздает в первый же вторник после возвращения. В этот раз операторы привели с собой координатора по экспорту нефти Тимура из отдела маркетинга, который, помявшись, объяснил, что такие трейдерские фирмы, как «Витус», «Грайндкор» или «Трапецио», будут с удовольствием покупать товар «кем бы вы ни были, хоть антиправительственными повстанцами», чему в принципе «уже были прецеденты».

Новости насчет ГАЗа были восприняты позитивно, но, когда Альберт предлагает устроить мозговой штурм на тему практических возможностей взаимодействия с нижегородским заводом, наступает неловкая пауза.

– Ну, самое простое, что приходит в голову, – наконец решается Михась. – Мы могли бы бесплатно поставлять им топливный газ для электроэнергетики.

– Сейчас это невозможно, – возражает Альберт. – Мы не подключены к Единой газотранспортной системе России.

– Даже если бы мы в нее врезались, мы вряд ли смогли бы контролировать бесперебойные поставки через всю территорию страны, – добавляет Никитос.

– Вопрос опять же в том, – говорит Данила, – насколько нас будут поддерживать другие регионы. Допустим, мы объявили рабочий контроль у нас, а они у себя, в Нижнем. Это будет всего лишь два социалистических предприятия, между которыми будут пролегать огромные пространства матушки России. Какой бы ни была производственная цепочка между нашими двумя предприятиями, ее запросто можно будет оборвать, если кто-то будет против в Забайкалье или, например, на Урале.

– Все это так, – соглашается Михась, – но где-то ведь надо начинать! Если мы пока не можем взаимодействовать с другими коллективами, нет проблем, отложим. Вы слышали, что сказал Тимур? Представьте, что мы сможем заливать каждый раз по полному танкеру нефти. Это по сто двадцать тысяч тонн, вы хоть понимаете, сколько мы будем зарабатывать? Да мы сможем финансировать несколько ГАЗов беспроцентными кредитами!

– На ГАЗе могли бы полностью перейти на выпуск линейки газомоторных автомобилей, – предлагает Тимур. – Это помогло бы создать большой внутрироссийский рынок для нашего газа.

– То есть мы совместно создали бы искусственный спрос только ради монопольных целей двух наших предприятий? – смеется Альберт. – Что-то это не очень похоже на социализм.

– Без сбыта продукции наше предприятие встанет, – пожимает плечами Тимур.

Несмотря на тщедушное телосложение, Тимур – довольно решительный парень, неплохо разбирающийся в своей работе, но демонстрирующий очень странный ход мысли. Например, когда он видел Альберта с чашечкой эспresso, то понимающе подмигивал и спрашивал, что он будет пить, когда на место Рокко заступит бельгиец. Когда Альберт отвечал, что тот же самый эспresso, на лице у Тимура проступало искреннее недоумение. Похоже, он был в самом деле убежден, что национальность начальника и выбор напитка должны быть как-то тесно связаны между собой. Впрочем, он быстро забывал об этом и, если снова встречал Альберта с эспresso, снова заговорщицки подмигивал и задавал тот же вопрос. Когда операторы привели его, причем не в среду, а во вторник, Альберт удивился, но возражать не стал – значит, он в курсе всех планов и ребята ему доверяют.

Журналы от Ларса только придали всем решимости. Изложенная в них история действительно была занятной. В начале семидесятых часовой завод «Лип» обанкротился, его собира-

лись закрыть, а всех рабочих – уволить. В ответ коллектив решил сначала замедлить темпы производства, чтобы взять ситуацию в свои руки, а немного разобравшись, рабочие заперли администрацию в кабинетах. Когда они получили доступ к конфиденциальной документации, планы всеобщего сокращения и закрытия завода подтвердились. Полиция освободила заложников, но к тому времени бунтовщики успели вывезти и спрятать двадцать пять тысяч наручных часов. На следующий день была объявлена бессрочная забастовка с захватом предприятия, и они вывезли еще тридцать пять тысяч часов, припрятав их в разных местах вокруг города. На четвертый день общее собрание постановило запустить две сборочные линии, чтобы наладить производство и обеспечить выплату зарплат. Они начали рассылать собственных коммивояжеров по всем регионам Франции для сбора заказов. За два месяца им удалось продать шестьдесят две тысячи хронометров. Продавали по себестоимости, то есть с сорокапроцентной скидкой. Когда жандармерия изгнала их с завода, они продолжили собираться в других помещениях и наладили кустарный выпуск малых партий часов, обладавших чисто символической ценностью. При этом им удалось развернуть широкомасштабную медиакампанию, нацеленную на создание у публики своего положительного образа. Спустя еще полгода, после марша солидарности, организованного работниками «Лип» вместе с коллективами других предприятий, было принято компромиссное решение – некий независимый предприниматель предложил выкупить завод и трудоустроить весь оставшийся за бортом коллектив. Полиция освободила завод от своего присутствия, рабочие вернули спрятанные товары, производство возобновилось еще на пару лет – предприятие все равно оказалось убыточным. Новый собственник был вынужден принять решение о ликвидации фирмы. Рабочие повторно захватили завод. Поскольку рынок был перенасыщен часовой продукцией от «Лип», они пытались расширить производство с использованием доступных им новейших электронных технологий. Попытка производства альтернативных товаров провалилась – рынок просто не воспринял медицинские приборы под торговой маркой часового завода. Тогда после полутора лет экспериментов было решено вернуться к производству часов, на этот раз путем образования рабочего кооператива. Этот кооператив создал несколько побочных артелей, швейную бригаду, гончарную мастерскую, открыл собственную столовую, СТО, парикмахерскую, детский сад. С тех пор «Лип» остается образцом рабочего самоуправления. Завод перекупали несколько раз, он выжил и сейчас, при новом владельце, продает по миллиону часов в год. В следующий вторник они обсуждали опыт самоуправления на заводе «Лип» и собственные перспективы. Если получилось у французских часовщиков, то можно было представить себе, что чеховской группе удалось бы наворотить с продажами нефти и газа! По самым оптимистичным оценкам Данилы, сейчас им не хватало примерно дюжины человек. Альберт предположил, что проще всего будет набрать их из десяти тысяч рабочих, занятых на строительстве пятой «нитки», у которых были временные контракты до конца строительного проекта и ожидалось их сокращение, но Данила отменил такую возможность. Во-первых, этому мешал элементарный языковой барьер – большинство этих рабочих были вывезены из самых разных уголков мира – от Палестины до Бангладеш. Объяснялось это весьма просто: расходы на рабочую силу для капитального строительства относились к категории возмещаемых затрат, за которые Россия оставалась должна консорциуму из своей доли нефти. Во-вторых, работники, требовавшиеся для контроля над узловыми точками технологического процесса, должны были обладать достаточной квалификацией или стажем, ну или хотя бы определенным уровнем знаний по физике и другим естественным наукам. Данила был убежден, что отбирать людей надо было не абы как, и пусть на это уйдут месяцы, но после правильного отбора захват предприятия можно будет осуществить за сутки, а его успешную эксплуатацию – гарантировать на годы вперед.

Как раз в этот момент позвонил Михась, дежуривший на месторождении. «Врубайте телевизор! – орал он в трубку. – Здесь происходит черт знает что. Палестинцы вышли на стройплощадку с флагами, запускают фейерверки и петарды, пляшут. Охрана не знает, что делать,

вызвала ментов». Альберт включил телевизор – по всем каналам крутили кадры воздушной атаки на небоскребы Нью-Йорка.

В тот вторник они засиделись за полночь, обсуждая события и теряясь в догадках, как и весь остальной мир. Судя по сообщениям Михася, эти атаки уже влияли и на местную жизнь. Что будет дальше, и как теперь быть? Альберт предложил чеховской группе сформулировать свою собственную позицию по этому происшествию, и все с жаром принялись обсуждать детали происходящего. По итогам был составлен небольшой текст коллективного заявления, который Альберт распечатал на русском и английском языках, размножил и принес на общее собрание вечером в среду. Смена Михася уже закончилась, поэтому ему не было известно, что происходит в стройгородке. Ходили слухи, что палестинцев вроде бы вызывают на допросы в ФСБ и собираются депортировать.

Когда текст листовки приняли, Альберт предложил устроить что-то вроде городского квеста. Собравшимся предлагалось разойтись по городу небольшими группами в разные стороны и расклеить листовки в самых проходимых или самых неожиданных местах. После этого предполагалось собраться в «Ольстере», где все будут поить пивом автора самой оригинальной идеи. Что ж, Никите каким-то образом удалось пробраться в благоустроенный городок западных менеджеров и прилепить листовку на входную дверь бунгало Жюстена-Мари, генерального директора. Поэтому в тот вечер его охотно поили черным стаутом и красным элем все кому не лень. «А что, пусть почитает, – повторял Никитос, едва ворочая языком. – У него там местные девочки голышом каждый вечер, горячая вода есть в душе, пусть теперь и стенгазета будет».

На следующее утро чеховская группа проснулась знаменитой. Кто-то сфотографировал листовку, и она попала в Indymedia⁶. В основном на них выходили через москвичей, у которых было больше всего международных связей. Теперь им писали активисты со всего мира, выражали благодарность и поддержку, предлагали общаться. Кто-то хотел, чтобы под опубликованным воззванием стояла коллективная подпись, кто-то предлагал координировать конкретные действия, кто-то просто просил почтовый адрес, чтобы прислать свою печатную продукцию. Перед Альбертом начали открываться новые теоретические перспективы. По почте на абонентский ящик поступали все новые газеты, журналы, брошюры. Один раз в Чехов заехал Арно, путешествовавший по России школьный учитель из парижского района Дефанс. Сам он политикой не интересовался, но по просьбе коллег привез Альберту целый багажник литературы, перевязанной в тяжелые связки. В съемной квартире уже не оставалось места, где хранить всю эту печатную продукцию. Но очень многое из того, что присылали, было чрезвычайно интересным – малоизвестные, чуть ли не эзотерические тексты ультралевых мыслителей, подкапывавшихся все глубже и глубже под мистификацию нашего капиталистического мира, которую первым начал разоблачать Маркс.

Позже Альберт понял, в чем крылся секрет такой неожиданной популярности чеховской группы – за две недели, что прошли между самими терактами и установлением ответственных за них, весь мир пребывал в состоянии легкого когнитивного диссонанса. Никто не знал, что думать и как к этому относиться. В среде левых активистов почему-то наибольшее хождение получила версия причастности Красной армии Японии, якобы недавно заявлявшей о приближающемся дне начала мировой революции. Судя по рассылкам, социальным сетям и комментариям в Indymedia, реакции были самыми противоречивыми. Например, какой-то голландский анархо-веган, эковоин и член Фронта освобождения животных побежал за шампанским и ходил по соседним квартирам с поздравлениями до тех пор, пока не получил в рыло от квартиросъемщика одного из своих соседей по лестничной площадке, родом из Техаса. Люди выходили в интернет и не находили вразумительных ответов на вопросы, которыми они задавались

⁶ Indymedia – информационная сеть левых активистов.

в те дни. Возможно, поэтому многим понравились простые слова, с которыми сахалинские нефтяники обратились к человечеству.

Вот текст воззвания:

Мощный, зрелищный удар был нанесен по США. Если целью этого удара было правительство США, виновное в злоупотреблениях политической, экономической и социальной властью во всем мире, то он попал мимо, как обычно.

Если среди целей этого акта были несправедливый общественный порядок, эксплуатация, промывание мозгов в культуре, угнетение и насилие со стороны мировой финансовой и промышленной буржуазии, то он был нанесен в противоположную сторону и убил много надежд у тех, кто верит в будущее освобождение и посвятил свою жизнь борьбе за него.

Если он замыслился как начало насильственной социальной революции, то на деле он стал отрицанием собственной мотивации и нанес серьезный ущерб самой идее такой революции.

Вместо этого были убиты ни в чем неповинные люди, уничтожены плоды человеческого труда, посеяны семена вражды, ненависти и отчаяния.

В результате этого безответственного террористического акта трудящиеся всего мира, их семьи и подопечные сегодня сталкиваются с угрозой милитаристской и полицейской истерии в своих странах.

Мы присоединяемся ко всем людям доброй воли, готовым идти на сознательное сопротивление как контрреволюционным силам, спровоцировавшим эту войну, так и надвигающейся военной реакции со стороны национальных государств.

Альтерглобалистский форум

Альберт не удержался и принес один из самых интересных памфлетов, полученных по почте за последнее время, в «Ольстер», куда были перенесены общие собрания. Авторами текста значились два парижанина: Жюль Девьен, известный своей ролью в событиях Красного Мая 68 года, и Шарль Митич, бывший член легендарной организации «Цивилизованный социализм». Эта группа, как выяснилось теперь, вдохновила социологические исследования автономистского течения в Италии еще в пятидесятых. Девьен и Митич писали и про «Лип», упоминая, что в период самоуправления на самом деле рабочие гораздо больше занимались продажами часов, чем их производством. Авторы называли этот опыт экспериментом по самоэксплуатации, подчеркивая, что неоднократные захваты завода на самом деле были вынужденной мерой защиты от безработицы, но никак не воплощением будущей программы.

– А ведь и то правда, – заметил Никитос. – Если опыт с рабочим самоуправлением на этом заводе до сих пор считается образцовым, как писали москвичи, почему с тех пор никто не последовал их примеру?

– Да потому что это было одно отдельное предприятие, – ответил Данила. – Помните, я вам говорил, что в одиночку трудно будет выжить, нужна поддержка других регионов, всей страны.

– Тут они дальше как раз пишут об этом, – продолжил переводить Альберт. – В Португалии после «революции гвоздик», в середине семидесятых, волна захватов предприятий и рабочего самоуправления распространилась по всей стране. Сначала в наименее капиталоемких отраслях, таких как текстильная, мебельная, агропромышленная, затем практически на всех предприятиях малого и среднего бизнеса. После свержения диктатуры Салазара там свирепствовал экономический кризис и захваты предприятий, как правило, были реакцией на объявления об их ликвидации из-за банкротства, реального или мнимого, сторонниками старого режима. Они объясняют, почему, несмотря на рабочее самоуправление в общенациональном масштабе, Португалия так и не стала коммунистической страной: там сохранился денежный оборот и руководящая роль государства. Рабочие самоуправляемых предприятий были вынуждены обращаться к центральному правительственному аппарату за кредитами и субсидиями. Государство выступало в качестве посредника между различными предприятиями, которые иначе не могли договориться между собой. На таких самоуправляемых предприятиях было действительно достигнуто относительное равенство в зарплате, демократизация организационной иерархии, рядовые работники участвовали в принятии важнейших решений по производственным задачам, найму и увольнению наравне с руководством. Но рабочим контролем все и закончилось.

– То есть авторы хотят показать, на примере Португалии, что даже если рабочие захватят предприятия по всей стране, это все-таки не приведет к социализму? – подытожил Никитос.

– Вроде того, – подтвердил Альберт. – Вот они пишут дальше: «Движение так и не вышло за рамки рабочего контроля над производством, зарплатной шкалой, наймом и увольнением. Это было что-то вроде опыта завода «Лип», распространенного на целую, относительно бедную, капиталистическую страну. Этот опыт словно бы резюмировал в себе все тупиковые ошибки прошлого: популизм, ленинизм, сталинизм, самоуправление.

– Россию тоже к числу самых богатых стран не отнесешь, – заметил Данила.

– Это ладно, это пусть, может статься, они даже и правы, пусть так, – хлопнул Михась по колену Альберта. – Но что этот твой Жюль или Шарль предлагают взамен? Что делать-то надо?

Альберт листал французский памфлет до конца и какое-то время словно бы выискивал в тексте какие-то подсказки или предположения. Потом он вернулся в самое начало.

– Ничего, – честно признал он наконец. – Они, правда, говорят, что одной из причин провала коммунистического движения на сегодняшний день, через 154 года после издания «Манифеста», надо считать чересчур важную роль, которую мы придаем труду.

– Это как? Что-то я не вклеил, – удивился Михась.

– Ну вот здесь конкретно они цитируют «Немецкую идеологию» Маркса: «Дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить». Они говорят, что после мая 68-го наиболее актуальной стала критика самого труда.

– Почему именно после мая 68-го? – спросил Никитос.

– Потому что, по их мнению, в мае того года состоялась последняя в истории человечества попытка труда добиться власти над капиталом.

– А с тех пор что изменилось?

– С тех пор была предпринята реструктуризация капитала, которая якобы не оставила места рабочему капитализму а-ля «Лип», хотя и он никуда не вел.

– Очень негативное видение мира, – заметил Никитос.

– В самом деле, – согласился Альберт. – Хотелось бы мне напрямую поговорить с ними, понять, что они сами видят положительного в наличествующем потенциале современности. Ведь они постоянно ссылаются на возможность будущей «коммунизации», что бы ни значил этот термин.

– Вы обратили внимание, – спросил Данила, – что в их тексте не просматривается никаких мнений о том, что надо делать простым смертным, которые стремятся к коммунизму?

– Во-о-от, – удовлетворенно произнес Михась. – А если они только критикуют и ничего не предлагают взамен, на кой ляд нам вообще знать их мнение?

– Мне просто хочется добраться до сути вопроса, – признался Альберт. – Всегда хотелось.

Спустя пару месяцев после этого знаменательного разговора координационный совет «Автономной сети» известил Альберта, что он был выбран одним из делегатов на Социальный форум в Париже. Как ему объяснили, такие собрания стали новым этапом развития альтерглобалистского движения после уличного насилия и убийства Карло Джулиани в Генуе. Сначала при поддержке бразильской рабочей партии был организован Всемирный социальный форум в Порту-Алегри. Затем разные активистские организации начали проводить континентальные форумы на регулярной основе. Они должны были стать площадкой для мирных переговоров между различными силами, организациями и группами, выступающими против неолиберальной глобализации. Если раньше такие силы собирались только для протестов против главных финансовых институтов глобального капитала и подчиняющихся им правительств развитых стран, то теперь им предлагалось в качестве альтернативы мирное общение друг с другом для выработки конструктивных начинаний. «Автономную сеть» интересовало запланированное выступление Тони Негри, главного идеолога автономистского марксизма. Складывалось впечатление, что в последнее время он начинает претендовать на роль одного из лидеров альтерглобализма, и Альберту предложили выслушать его, пообщаться с участниками семинара Негри и представить свою трезвую оценку перспектив подключения российской «Автономной сети» к этому движению.

* * *

Около часа ночи они высаживаются в Волоколамске и бредут по тихим улочкам привокзального района. Явочная квартира расположена в одном из серых кирпичных трехэтажных домов. Практически на пороге Альберт знакомится с харизматическим Айваром Кармановым, молодым, но уже опытным лидером евразийской секции IV Интернационала, и с Василием из Сибирской конфедерации труда. Именно Василий в свое время ставил коллективную подпись

от лица СКТ под воззванием чеховской группы. Попутчики уже рассказывали Альберту, что по всей России намечается анархо-троцкистская конвергенция для леворадикальных сил.

Вечером Айвар, извинившись, что не может принять участия в кухонной беседе, работает на старинном «Ремингтоне» над редакцией протокола собрания под надзором бойкой анархистки с цветным ирокезом на голове, подсказывающей или исправляющей содержимое набираемого текста. Остальной народ спит или разошелся. Судя по всему, идеальный консенсус между непримиримыми сторонниками разных подходов к осуществлению исполнительных полномочий в будущем обществе достигнут не был и изначально планировавшаяся конвергенция урезается и перекраивается на глазах.

После ужина Альберт прямо в одежде растягивается на выдавшем виды матрасе, пытается уснуть под бубнящий голос Дианы-Димки и заговорщицкие перешептывания Леньки с разбуженным им Свинтусом, мирно храпевшим до этого в спальном мешке в противоположном углу. Потом Ленька идет в подъезд, несколько раз скрипит и хлопает входной дверью, когда Альберт наконец проваливается в столь необходимый ему сон.

Рано утром Ленька будит его, тряся за плечо:

– Пойдем, камрад, по чайку, тебе надо, перед тем как выдвинемся.

Он проходит за ним в неопрятную тесную кухню со следами вчерашнего застолья. Леня и в самом деле заварил пару чашек крепкого чая.

К ним присоединяется Димка, и вот уже в семь утра они садятся на электричку в Москву. За окнами проплывают меланхолические осенние виды окрестностей Волоколамского шоссе.

Не забудем ваш подвиг... Одноклассники в красных галстуках... И ведь где они все сейчас... Кто в Канаде, кто в Бельгии, кто в Австралии, а кто и на Бурундийском кладбище... Полный актовый зал... И, появляясь, исчезают вновь... А земля пребывает вовеки... Тот старичок, ветеран ВОВ, его пригласила директриса накануне Дня Победы... «Полк наш был сформирован в июле сорок первого в Алма-Ате... В сентябре уже бросили нас, Панфиловскую дивизию, в гущу боев, в самое пекло...» «Гони немца в мороз...» И возвращается ветер на круги своя... Огонь и черный дым до небес... До самого горизонта, куда ни глянь... Снежные поля, усеянные вражескими трупами в лунном свете... И снова в бой... Самое пекло... Целые армады танков... Тонны брони... Все прут и прут на Москву... «Велика наша Родина, а отступить некуда», запомните эти слова политрука... Знайте, дети, что тогда человек больше любил Родину, чем собственную жизнь... Пожертвовать собой ради вас и вашего будущего не казалось чем-то особенным... Скольких друзей и товарищей не досчитывались мы после каждой атаки врага... И снова в бой... В самое пекло... Когда перешли в рукопашную, били немца кулаками по холеной морде, пинками, прикладами... Стенка на стенку... А фрицы до мордобоя неохотными оказались, все побросали и наутек... Пятнадцать километров мы их гнали... Командование нас остановило: «Вы куда? Вернуться на артподготовку...» Потом те своим, видать, понарасказывали о нас... «Дикая дивизия» из Алма-Аты... Так и величали... Два станковых пулемета... Штабелями их на снег укладывали... Память людская... Видел я все дела, что делаются под солнцем... Снежные поля, усеянные до самого горизонта... Зловонные скелеты в полуистлевшем темном немецком обмундировании – танкисты... И снова в бой... В самое пекло... А чаек-то хорош...

В помещении подпольного горкома IV Интернационала – арендованной бывшей коммуналке в одной из старых многоэтажек на Варшавке – они получают у бухгалтера суточные на неделю вперед, а у завхоза казенные спальные мешки и пенки.

Пока они идут по просторным тротуарам широких проспектов старой столицы, залитых светом полуденного солнца, по уютным, обогревающим душу аллеям Бульварного кольца, Альберта вновь невольно переносит в детство, в наивную и чистую страну его рождения, несмотря на то, что и здесь изменилось очень многое. Такое чувство, что, парадоксальным образом, после затянувшихся странствий и мытарств, он на время наконец-то вернулся домой. Прохо-

жие теперь, в деловой столичный полдень, уже не кажутся зомбированным роем, как во вчерашний час пик, скорее наоборот – предстают теми самыми адекватными людьми, благодаря которым живет и дышит мегаполис. При свете дня особенно заметно, что Москва все-таки выстояла и пережила все обрушившиеся на нее шквальные ветры перемен. Переварив и усвоив новые миграционные потоки, она осталась собой, но в то же время словно бы впитала и унаследовала многие славные традиции сотен городов своей отчаянной глубинки. Грязи сюда теми же ветрами принесло тоже изрядно, но вся она, вместе взятая, оказалась неспособной полностью залепить, одолеть и испортить величие и светлый облик города-героя. *А Белорусский вокзал почти не изменился... Надо покурить успеть перед отправлением... Что-то Димка чересчур остро реагирует на табачный дым и несознательное, неэкологичное разбрасывание окурков... С ней поделкатней надо... Поезд отходит... Вот крутизна все-таки... Непередаваемое ощущение... Почему человеку становится хорошо и спокойно, когда он в движении?.. And we hit the road again... Надо под открытым окошком устроиться... И мы снова выходим на дорогу... Вот так вообще замечательно... С ветерком по телу... Знакомая прохлада... Новые перроны, новые пути... Бубнящий Димкин голос... Заговорищские переиештывания со Свинтусом... Нет, у них, конечно, очень правильные идеи, очень разумные... Прямо переносит в детство, в наивную и чистую страну... Энгельс о происхождении семьи и частной собственности... Кропоткин о межвидовой солидарности, в пику Дарвину... Вы читали третий том «Капитала»?.. Нет, увольте, не осилила... Айвар, наверное, читал... А первый?.. Ну, первый доводилось, само собой... Вязьма... Еще один город воинской славы... Здесь прорывался противник... Долгие версты войны... Прут и прут на Москву целые армады, тонны брони... Полное окружение наших войск... Вяземский котел... Знайте, дети, это не казалось чем-то особенным... Ленка Трубачев, Свинтус и бубнящий Димкин голос... Провалилась конвергенция... Документы к следующему съезду... Тезисы Димы Саблина... У Димы или у Ларса... У Димы... «Но у Ларса обязательно будет свое особое мнение, я в этом уверена...» – «Уж у нас с консенсусом прокапает, я позабочусь об этом...» Интересно, как Свинтус заботится о консенсусе?.. «Хочешь есть?..» Нет, спасибо... Я лучше покурю в тамбуре... Город-герой Смоленск... Долгие версты войны... Не забудем ваш подвиг... Огонь и черный дым до небес... Именно здесь захлебнулся блицкриг... В самое пекло прут и прут зловонные скелеты в полустлевшем обмундировании... «Чего они хотят?.. Я не знаю...» Доктор Геббельс: «Мы можем забыть о блицкриге, господа...» «Shoot'em in the back now...» Дискуссия оживает... Ленка Трубачев, товарищ Димка и Свинтус на задних сиденьях... Они вырабатывают пар и жару... «Гони немца в мороз...» «Когда я слышу слово культура, я хватаюсь за пистолет... Рухнет как карточный домик... Происходят очень тяжелые бои...» Вот крутизна все-таки... И снова в бой... В самое пекло, на снежные поля, усеянные целыми армадами зловонных скелетов... «Застрелите их в затылок...» «О блицкриге не может быть и речи...» Еще один город-герой... Освобождение спустя два тяжелейших года... Непередаваемое ощущение долгих верст войны, уже после Сталинграда, после Курской дуги... Чудо военной мысли, дымящиеся «Тигры» и «Пантеры», кровавое зарево, черный дым до небес... Рина рассказывала, что ее дядя тоже был там... Итальянских союзников пригнали на берега Дона... Муссолини еще в двадцатом году в Истрии, на хорватской земле, объявил славян низшей, варварской расой, вынудив несчастных усташей отрицать собственные хромосомы... Операция «Уран», операция «Сатурн», когда началось паническое бегство... Небывалый, невиданный, невообразимый доселе героизм... Жестокий бой за каждый сантиметр сталинградской земли... Знайте, дети, это не казалось чем-то особенным... И дух наш, слава богам, тоже тверже их духа, а в удел им достанутся раны и смерть... Чудо западного рационализма... Этого они учесть никак не могли... С чисто немецкой методичностью... «Происходят очень тяжелые бои...» Плач, рев, растерянность, неразбериха, самые невероятные слухи, десанты и диверсанты... Ориа... Здесь мир впервые услышал, как заговорили «Катюши»... Мощность грузовиков не*

была рассчитана на всех желающих спастись... Они рубили окоченевшие пальцы своих соратников саперными лопатками, когда те хватались за борт уходящего грузовика... Джаиованни, Пенне, Чиро, Альфредо, Тонино... Addio, camerata... Черное личико абиссинки... Прощай навсегда... Самое пекло, а «отступить некуда»... Рубили пальцы своих же соратников... Поля, усеянные трупами в лунном свете, огонь и черный дым до небес... Неужели мы уже в Беларуси?... Пересечение границы здесь абсолютно неощутимо... Ее здесь словно и не бывало... Где-то они появляются, где-то исчезают... И, появляясь, исчезают вновь... Отсюда на Минск долгими верстами войны... Гонят скот, вывозят машины, станки и бредут, бредут навьюченные даже дети, тащатся из последних сил – только бы уйти от немца... Непередаваемое ощущение освобождения спустя два тяжелейших года, уже после Сталинграда, после Курской дуги... Наше тело более способно... Танки взрываются, башни отлетают, пехота дезориентирована... Вентиляционные решетки, ведущие в моторные отсеки «Тигров», вспыхивают в одно мгновение, это коктейли Молотова... Все бои становятся рукопашными... А фрицы до мордобоя неохотими оказались... Стенка на стенку... Величайшая из всех эпических битв в истории человечества, невиданный героизм, огонь льется и сверху... Небесные Т-34... Эти самолеты выдерживают прямые удары зениток... Ад на земле, самое пекло, от снежных полей до белорусских лесов... Зловонные скелеты в полуистлевшем обмундировании... И дух наш, слава богам, тоже сильнее их духа... «Чугуначный вакзал».

В Минске они выбирают в город. Все-таки надо перекусить хотя бы разок сегодня. Это добрый, просторный и опрятный город. Видно, что здесь живет славный народ. Здесь нет нищих, бомжей и профессиональных попрошаек. Как и в старые времена, все при деле – выпускают качественную промышленную продукцию. После звонков родным с главпочтамта удивляет, что на улице темно уже в четыре часа пополудни. Здания приятно подсвечены. Смахивает на Рождество. Минчанин Коля приводит их на площадь Победы, чтобы показать уютный деревянный домик зеленого цвета, из которого некогда поднялось революционное движение России – именно здесь, в глубокой конспирации, состоялся учредительный съезд РСДРП. Такое ощущение, что только этот домишко и пощадили, по незнанию, немецкие бомбы. Несмотря на свой внушительный исторический возраст, Минск кажется молодой столицей из-за полного отсутствия старинной архитектуры. Интересно, оставался здесь хотя бы десяток уцелевших зданий к концу войны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.